

Юлия
НИКОЛАЕВА

Да,
МИЛЛИОНЕР
и
ПРОЧИЕ НЕПРИЯТНОСТИ

Юлия Николаева

Пёс, миллионер и прочие неприятности

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

Никогда не соглашайтесь присмотреть за собакой подруги в её отсутствие! Потому что пёс – это неиссякаемый источник проблем. Теперь вокруг меня с неясными планами выются банкир, антиквар, бандит и даже один... миллионер. Правда, когда я с ним связывалась, то не знала об этом. И вообще, была уверена, этот миллионер – главная моя неприятность! Наглая, самоуверенная и очень притягательная неприятность.

Вас ожидает:

неиссякаемый юмор и вообще ничего серьёзного

неожиданные повороты сюжета

детективная линия

немного неадекватные, но очень милые (я надеюсь) герои, а

именно:

много мужчин, две девушки и адын пёс

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	20
Глава 3	40
Глава 4	53
Глава 5	74
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Юлия Николаева

Пес, миллионер и прочие неприятности

Глава 1

В тот день и тот час звезды явно сложились определенным образом, объединившись против меня и обрушив на мою многострадальную голову все разом. Первым делом позвонили из издательства и напомнили, что я пишу для них книги, а они мне за это платят. Именно так сказали, и я их понимаю.

Книгу я обещалась прислать неделю назад, но вместо этого мы с Лехой ушли в кутеж, отправившись в один из вечеров на концерт любимой группы. Кутеж неожиданным образом растянулся на несколько дней, перемещаясь в разные места нашего не столь уж большого городка, а вместе с ним перемещалась и я, каждое утро, кстати, страдая. Потому что алкоголь – это зло, истинное, воплощенное в реальности. И только у такой слабовольной особы с хорошим здоровьем, как я, хватало сил с ним бороться. Чтобы вредило оно только мне, а не остальным.

В то утро похмелье также не обошло меня стороной, по-

тому звонок из издательства и язвительные выпады в сторону моей некомпетентности отдавались в голове звонкой болью. Не успела я прийти в себя и напиться воды, как раздался очередной звонок, на этот раз в дверь. Я опасливо припала к глазку: на лестничной клетке стояла моя подруга Кэт, а возле ее ног терся Джеки, щенок джек рассела терьера. Не сообразив, что появление этой парочки не сулит ничего хорошего, я открыла.

Кэт, критически осмотрев меня, хмыкнула:

– Опять пили?

Я не стала отвечать на этот вопрос, пошла в кухню за еще одним стаканом воды. Кэт прошла в прихожую, а Джеки разразился дружественным лаем, который можно было услышать за сотни километров. Напившись, я вернулась и устала на Кэт. Она смотрела на меня как-то излишне радостно.

– Что случилось? – поинтересовалась я, почуяв неладное.

– Напоминаю для забывчивых: я уезжаю в Египет, а ты согласилась пожить это время с Джеки у меня на квартире.

– Когда это я согласилась? – не поддаюсь я на провокацию.

– Три дня назад. Мы разговаривали по телефону.

Такое быть могло, но я на всякий случай проверила телефон. Истина была на стороне Кэт, оттого она торжествующе улыбнулась.

– Напомни, – вяло начала я, – мне непременно нужно жить в твоей квартире?

– Конечно. Джеки и так придется существовать в разлуке со мной, к тому же он только отучился гадить в доме. В моем доме, – добавила она в конце.

Я немного повздыхала, морща лоб и пытаюсь вспомнить хоть какие-то обрывки того разговора. Дело было бесперспективное. Поняв, что я смирилась перед судьбой, Кэт быстренько сунула мне ключи от квартиры и поводок, после чего, хлопнув по плечам, покинула мой дом со словами:

– Все указания по Джеки я оставила на кухонном столе.

Вот так я оказалась в однокомнатной квартире спально-го района с собакой на руках. Список, надо сказать, выглядел внушительно, и я задремала примерно на его середине, проснулась оттого, что Джеки кропотливо пристраивается к моей руке с явной целью.

– Да я даже мужчинам такого не позволяю, – заметила я, отцепив его от себя и поднявшись.

За дневной прогулкой обдумала сложившуюся ситуацию и пришла к выводу, что все складывается не так уж плохо. Если отключу телефон, то никто меня не найдет, и я смогу спокойно сесть и написать эту чертову книгу. Искать меня у Кэт никто не додумается, и я брошу все остатки сил в творчество.

В тот вечер с творчеством не задалось, остаток сил я направила на нашедшуюся в холодильнике Кэт селедку под шубой. Документ в компьютере был девственно бел, и только курсор подмигивал мне без остановки. Часам к двенадцати

ночи я успела поспать и встать, голова снова заболела. Джеки принялся скулить у двери, я нацепила ветровку поверх футболки, оставшись в домашних широких штанах, обула кеды и отправилась с ним на прогулку. Джеки бежал весьма целенаправленно до маленького парка за кинотеатром, а потом также целенаправленно обратно. Только я порадовалась короткой спокойной прогулке, как из двора выскочило двое ребят весьма бандитской наружности. Двинули они в мою сторону с такой радостью, словно ждали меня всю жизнь. Я печально вздохнула, готовясь к атаке.

– Привет, красотка, – хмыкнул один из них, – не страшно одной по ночам гулять?

– Я не одна, я с собакой.

– Да разве такая маленькая собака тебя защитит? – подхватил второй.

– Вы ее зубы видели? Если она вцепится, мало не покажется.

Задумчиво переглянувшись, парни уставились на Джеки с некоторой опаской. Он подыграть мне не желал, упорно пытаясь добраться до мяча, валявшегося на детской площадке. Ребята немного подумали, и один из них высказался:

– Ничего она нам не сделает.

– Это вы про меня или про собаку?

Они неуверенно хмыкнули, я вздохнула. Так мы будем долго брести, а моя головная боль тянет в кровать.

– Пойду я, – заметила я, но тут же была остановлена одним

из них.

– Это мы решать будем.

– Хорошо, тогда останусь, – покорно кивнула я, и они замаялись. – Какие планы? Может, кофе попьем?

Парни опять растерялись, я разозлилась и уже хотела решительно прервать эту клоунаду, когда из темноты раздались слова:

– Что тут происходит?

Надо сказать, произнесены они были самым что ни на есть мужественным голосом, перед которым отступают все неприятности. Владелец голоса появился следом за ним из темноты. Им оказался внушительный мужчина среднего роста. Одет он был в кожаную куртку, очерчивающую его мускулатуру, в общем, мои двое знакомцев явно должны были струхнуть. Не успела я ответить на вопрос мужчины, как он грозно повторил:

– Я спрашиваю, что происходит?

Парни вроде как смутились, он нахмурил брови (я тоже на всякий случай) и набрал в грудь воздуха. Но, кинув на меня взгляд, захлопал глазами и выпустил воздух наружу.

– Это не она, – заявил, повернувшись к ребятам, и теперь захлопала глазами я.

– Как это не она? – вступил в диалог один из моих новых приятелей. – Собака маленькая белая, с двумя кругами на спине, так?

– Так, – кивнул мужчина, а я только прислушивалась, пы-

таясь сообразить, что к чему.

– Вы сами сказали: девушек с такой собакой в районе две, одна брюнетка, другая блондинка. Это блондинка?

– Блондинка, – снова подтвердил мужчина.

– Тогда это она.

– Не дури мне голову, – рассердился он, – по-твоему, я мог запасть на такую девчонку?

Они критически меня оглядели. Надо признать, видок я имела еще тот: опухшее с перепоя лицо, грязные волосы забраны в хвост, одета, как пацан. Тем не менее, я отступить не собиралась и для начала кашлянула.

– Кажется, вы все-таки ошиблись, – сказала им.

– Откуда ты вообще взялась? – разозлился мой псевдо-спаситель.

– Из дома.

– Не было тебя.

– Не было. Это собака брюнетки, она в отпуск уехала, а я вместо нее на время.

– Вот черт, – брякнул он, – что ж так не вовремя?

Я хмыкнула.

– Может, оно и к лучшему. Ну спас бы ты свою зазнобу от страшных ребят, а дальше что?

– Что дальше? – уставился он на меня.

– В том-то и дело, что ничего. Проводил бы до подъезда, пригласил на свидание. Она в силу обстоятельств, может

быть, и согласилась бы, но дальше одной встречи явно не зашло бы.

– Это еще почему? – обиделся он.

– Потому что ежели ты к ней просто так подкатить не можешь, значит, чувствуешь, что вы люди разные, нужен повод. Но это разницу все равно не скрыть. Здесь нужен другой подход.

– Не поделишься? – хмыкнул он, складывая руки на груди.

– Надо грамотно подойти, – доверительно разъяснила я, – узнать, чем девушка увлекается, куда ходит и так далее. Главное, что? Найти общий язык. Если она поймет, что у вас много общего, считай, дело в шляпе.

Мужчина, потеряв подбородок, признал:

– Звучит неглупо. Ты мне в этом поможешь.

– Что? – уставилась я на него.

– То самое. Завтра Марик придет к тебе домой с досье на девушку, а ты придумаешь план, как мне ее завлечь.

– Я работаю вообще-то, – заметила я.

– Где? – спросил он, и я обиженно засопела, не желая признавать правду.

– Дома, – сказала неохотно.

– Вот и нечего мне голову морочить. Марик, – обратился он к одному из ребят, – проводи девушку... Как зовут тебя?

– Кира.

– Что за имя такое?

– А тебя, наверное, Саша, – съязвила я.

– Вообще-то Дима.

– Тоже оригинально.

– Ты мне поговори, – нахмурился он, – ладно, топайте.

Я пожала плечами и направилась с Джеки к дому, вместе со мной пошел один из парней. Я присмотрелась к нему: на вид лет двадцать семь, волосы стрижены под ежик, среднего роста, фигура внушительная. В общем, ничего интересного.

– А тебя как зовут? – спросила я.

– Борис.

– Вот радость-то.

Он посмотрел с подозрением, но промолчал. Вскоре мы были возле подъезда, я остановилась и, не дав парню опомниться, пожала ему руку. Он растерялся, что позволило мне быстренько скользнуть за дверь, не оставив номера квартиры. В том, что он меня найдет, я не сомневалась, поэтому поступок мой можно было мотивировать только врожденной вредностью.

Как ни странно, данные события подняли мне настроение, и вместо того, чтобы лечь спать, я села за ноутбук и принялась писать, недолго думая, взяв за основу произошедшую встречу. Она вполне подходила тому жанру, в котором я творю: детективу. Тут можно сделать небольшое отступление и рассказать о себе.

Зовут меня Кира Муравина, мне двадцать пять, я живу в центре небольшого города в огромной квартире, служившей когда-то студией моему папеньке.

Матушка, когда мне исполнилось восемнадцать, серьезно заявила, что я уже взрослый человек и должна понять её. Как я могла понять, если она сама не понимает – остаётся загадкой. Но так или иначе, мама решительно отправилась на поиски духовного просветления куда-то прочь из дома.

Папенька встретил удар стоически: открыл в себе талант художника и начал ваять картины одну за одной, превратив нашу скромную двухкомнатную квартиру в средоточие красок и хаоса. На мой субъективный взгляд, то, что он рисовал, не походило ни на живопись, ни на... да ни на что не походило. Но он решил сделать выставку и неожиданно имел успех.

Его мазню раскупали с огромным удовольствием и за какие-то нереальные деньги. Поначалу мы с папенькой радоваться не могли, тратя их направо и налево, потом он впал в меланхолию, заявил, что не в них счастье, и уехал в Непал искать просветления. Случилось это пять лет назад и продолжается по сей день. Раз в год я езжу к нему в гости, чтобы оценить уровень просветления и забрать новые картины. Работу отец не забросил, чем очень меня порадовал. Счастье, может, и не в деньгах, но я-то уже привыкла жить на широкую ногу.

После его отъезда я сдала нашу квартиру и переселилась в купленную им в центре города студию. Она находилась в доме старого фонда, который сам по себе выглядел, как памятник архитектуры. Студия в сто пятьдесят квадратных метров давала простор фантазии, причем не только моей, но и всех

моих знакомых, а также их знакомых. На какое-то время мой дом стал практически самым тусовочным местом города.

На одной из вечеринок я познакомилась с мужчиной, приехавшим из столицы погостить к другу. Он работал в издательстве, а я от нечего делать кропала детективы. Вообще-то, мужчинка просто пытался меня склеить, но ему так и не обломилось. Он остался ночевать у меня вместе с другом, а наутро я обнаружила его в кухне за чтением моих нетленных творений.

– Это будет иметь успех, – огорошил он меня и удалился, не сказав больше ни слова.

Однако вскоре мне позвонили из издательства и заявили, что заинтересованы в сотрудничестве. Я согласилась, больше из желания посмотреть, что из этого выйдет. А вышло следующее: я издала с десятков книг, и теперь с меня требуют продолжение, потому что они пользуются спросом. Как можно заметить, я изо всех сил стараюсь на данной ниве. Кстати, ночной заход вышел, действительно, плодотворным.

С утра Джеки разбудил меня безжалостным вылизыванием лица, и я решила, что пора взбодриться и обратиться к нормальной жизни, то есть прекратить пьянствовать и вернуть себе нормальный вид. Наскоро погуляв с собакой, приняла душ, отыскала в гардеробе Кэт шорты и милую футболку, выпила кофе и уселась за ноутбук.

Написать ничего не успела, потому что раздался звонок в дверь, и я сразу поняла, кого черт принес. На пороге стоял

Марик. Он открыл рот, чтобы поздороваться (ну я надеюсь, что именно с этой целью), да так и замер, разглядывая меня.

– Заходи, Борис, – кивнула я ему, отходя в глубь прихожей, он, кажется, не сразу понял, что я обращаюсь к нему. Привыкли там, у себя, кличками обходиться.

– Да ты красавица! – выдал он, оказавшись в кухне и разглядывая меня.

Я кинула взгляд в зеркало: распущенные светлые волосы спадают пышными локонами по спине, румянец на щеках, да и вообще вид здоровый. Вот что значит, вышла из запоя. Джеки тем временем обнюхал парня, чихнул и сел неподалеку.

– Я ему не понравился? – поинтересовался Марик.

– А я откуда знаю? Мы с ним не настолько близки. Ну что там ваша девица?

Марик встрепенулся и, достав из-за пазухи папку, передал мне.

– Накопали, что могли. Твоя задача с ней подружиться и понять, как будет лучше Дереве наладить контакт.

– Какой еще Дереве?

– Ну, Димону, который тебе задание дал.

– Так и говори, а то заладили тут: Дереда, Марик.

– Мы так друг друга зовем.

– Мне какая разница, как вы друг друга зовете? Я в туалет, а ты сиди спокойно и ничего не трогай.

– Это ты к чему? – насупился он.

– Свистнешь еще чего.

– Я? Да почто мне твое барахло?

– Не знаю, но вид у тебя соответствующий, так что нечего удивляться подобным мыслям.

Я быстро сходила в туалет, вернувшись, застала Марика в глубоких раздумьях.

– По-твоему, я похож на вора? – обратился он ко мне.

– Конечно. Стрижка у тебя бандитская, и одет, как бандит, сразу видно: от такого добра не жди.

– Так это хорошо.

– Что?

– Что так думают. Я же должен внушать опасение.

– Я тебе уже сказала, какие опасения ты внушаешь, – рассердилась я, – кошелек стырить, а то и сумку отобрать.

– Ты серьезно? – Марик явственно расстроился. – Что же мне делать?

– Тут, Борис, особый подход нужен, – доверительно начала я, садясь напротив него и даже положив свою руку на его для убедительности. Он этого жеста не заметил, отчаянно ожидая продолжения. – Вот, например, Дмитрий ваш совсем по-другому выглядит: весь такой добротный, парфюм дорогой, одет с иголочки, хоть сейчас на Fashion week.

– Куда-куда? – заморгал он.

– Вот! Как же ты можешь быть настоящим бандитом, если не знаешь, что такое Fashion week?

– Что еще за вик?

– Посмотри на досуге в интернете. Я к чему веду: ты, Борис, должен страх внушать не лицом, а тем, что внутри, понимаешь? А что у тебя внутри?

– Органы. Кстати, иногда они выглядят довольно устрашающе, – он хмыкнул, а я печально покачала головой.

– Неплохо было бы избавиться от подобных шуточек. Иначе рискуешь всю жизнь пробегать по подворотням с поручением запугать девушку.

– У тебя есть план? – насупился Марик.

– Для начала нужно сменить гардероб, и прическу поменять, то есть отрастить волосы до нормальной длины. Потом привычки, увлечения, ты, Борис, должен внушать страх одним взглядом, оставаясь при этом внешне самым милым человеком на земле.

Марик снова задумался, и я не стала ему мешать, углубившись в изучение принесенной папки. Вообще-то, еще вчера я была намерена дать Дмитрию вместе с его Мариком от ворот поворот, но так как я накатала добрый десяток страниц, закрутив сюжет на нашей встрече, то решила поиграть дальше. В конце концов, имеется даже такой прием: вжиться в роль героини, почему бы не воспользоваться им, раз уж есть возможность?

Открыв папку, я скроила рожу: на меня смотрела типичная ванильная девица. Фотографий было две: одна во весь рост, вторая крупным планом. Я рассмотрела правильное личико с подчеркнутыми скулами, надутыми губками и рас-

пущенными светлыми волосами, большими усилиями уложенными в прическу «а расческой я не пользуюсь, потому что у меня ее нет».

– Перспектива, – вздохнула в итоге, на эти слова Марик встрепенулся и вернулся из мыслей.

– Ты слишком много болтаешь, – заметил он, хмурясь, – это сбивает с толку.

– Я не могу разговаривать меньше. Такая у меня натура, говорю все, что думаю.

– Я тоже, – порадовал он меня и снова замолк на приличное время.

Я же прочитала информацию о девушке: она оказалась не простой, а прямо-таки золотой. Подающая надежды поэтесса двадцати девяти лет. Найденные о ней данные представляли, в основном, распечатку интернет-страниц, как будто я сама не могла их посмотреть. Кстати, этот факт оказался большим подспорьем.

Как все творческие личности, девушка страдала зависимостью от людской похвалы, а потому старательно описывала каждый свой подвиг, снабжая сей факт фотографиями. Вскоре у меня начала пухнуть голова, а Марик так и не произнес ни слова, видимо, все это время не думал.

Я даже хотела посоветовать ему съездить в Непал, там такие ценятся, но передумала, решив, что этот разговор можно отложить на потом.

– Что скажешь? – поинтересовался Марик, когда я, нако-

нец, отодвинула папку.

– Как говорил Хемингуэй, если можешь не писать – не пиши.

– Это ты к чему? – насторожился он.

– Стихов перечитала.

– А теперь что? План есть?

– Не так быстро, мой дорогой друг. Мне нужно все обдумать.

– Что Дерееде... – он поймал мой взгляд и поправился. – Димону что доложить?

– Что план будет завтра. А теперь тебе пора удалиться, мне работать надо.

Марик немного потоптался, но пошел в прихожую. Там еще немного потоптался у двери и спросил:

– То, что ты наговорила по поводу прически и остального... Может, поможешь мне? – Я вылупила на него глаза, он тут же добавил: Конечно, не за просто так.

Быстро оценив открывающиеся перспективы, я расцвела улыбкой.

– Конечно, Борис, я тебе помогу.

Он тоже заулыбался.

– Ну, я пошел, – снова сделал попытку выйти, но опять остановился, и я чуть не въехала ему в спину.

Мысленно чертыхнулась, но снова заулыбалась.

– Забыл чего?

– Ты это... Зови меня Борей.

Я чуть не разрыдалась от счастья, но ограничилась тем, что прижала к груди руку и покивала. Наконец Марик удался, и я вернулась к ноутбуку. Мысли в голове крутились вихрем, так что я моментально углубилась в работу. Правда, вскоре запал прошел, и я вышла прогуляться с Джеки.

Становилось очевидным: надо что-то придумывать. Раз уж я взялась писать про эту девицу, надо ускорить развитие событий в жизни, тогда и мой роман пойдет вперед. Остаток вечера я провела, накидывая примерный план действий, и к утру, когда Марик вновь возник на моем пороге, была практически во всеоружии.

Глава 2

– А Дмитрий твой где? – поинтересовалась я. – Или он очаровывать девицу тоже тебя отправит?

– Он велел привезти тебя, если план готов.

– А если не готов?

– То поторопить.

– Каким же образом?

Марик смутился, я махнула рукой и стала одеваться.

– Джеки, ты останешься дома, – сказала псу, явно нацелившемуся со мной. Он расстроился и опустил голову.

– Гляди-ка, понимает, – хмыкнул Марик.

Спустившись вниз, мы уселись в его «Форд».

– Хорошая машина, – кивнула я, – в кредит взял?

– Почему это? – снова обиделся он.

– Не знаю. Это модно.

– По-твоему, я на машину не могу заработать?

– Откуда же я знаю, кем ты работаешь?

Марик засопел, но ответить не пожелал. Мы ехали в сторону центра, и я додумалась поинтересоваться, куда конкретно.

– К Дерезде в офис едем. То есть к Дмитрию Сергеевичу, я хотел сказать.

– Растешь, – похвалила я его, – а почему вы Диму Дередой зовете?

– У него фамилия Середа.

– И что?

– Ну, Дерета-Середа, смешно звучит.

– Ты вообще знаешь, что Дерета это фамилия философа?

Этого Марик не знал, что, впрочем, было совсем неудивительно. Вновь открывшиеся знания повергли его то ли в раздумье, то ли в уныние, а я запереживала, как бы это не перевернуло его представление о мире в целом.

– И где же работает Дима? – попыталась вернуть парня в грешный мир. Марик встрепенулся, возвращаясь из дурмана, и охотно ответил:

– В центральном банке.

– Охранником?

Марик даже рот открыл от обиды за начальство.

– Он руководитель отдела, – сказал мне с гордостью.

– Это, конечно, многое меняет, – пробормотала я, уставившись в окно.

Ситуация была понятна: симпатичный руководитель отдела банка, лет тридцати пяти, женатый на своей работе, приметил нашу красавицу, любимицу сцены и, как она считает, муз.

Подвалить к такой девушке у него не хватило ни смелости, ни навыков, ибо все его будни исключительно трудовые, а помыслы бытовые. Тогда он придумал план невиданной хитрости, решив вырвать красавицу из лап двух отпетых негодяев, внешне напоминающих его самого пять лет назад. Не

могу представить, на что он вообще рассчитывал?

Вскоре мы тормозили возле главного отделения банка. Марик припарковался и позвонил Дереду. Выслушав молча указания, повесил трубку.

– Пройди в холл и жди его там.

– Как скажете, мой господин.

Марик часто заморгал, а я, оставив его в машине, потопала к входу. Дерета пришел за мной почти сразу, я только-только успела утонуть в блаженстве черного кожаного дивана, как мужчина выскочил откуда-то, окидывая меня оценивающим взглядом. Я нехотя поднялась.

– Ты выглядишь сегодня значительно лучше, – высказался Дерета, и я на него обиделась.

Сколько можно, в конце концов, высказываться по поводу моей внешности? Вот папенька, например, утверждает, что я красавица, а он художник, у него глаз наметан. Дерета явно не понял, на что я обиделась, потому что с его точки зрения он мне сделал комплимент, чему я должна была обрадоваться.

Смущенно кашлянув, он пропустил меня через турникет и суетливо указал в сторону уходящего вправо коридора. Я воинственно затопала туда, всем своим видом демонстрируя ущемленное достоинство. Старания мои не прошли даром, потому что Дерета с не присущей ему галантностью усадил меня на диван и налил кофе. И даже печеньки подвинул поближе, что являлось, конечно, показателем высшей степени

раскаяния за сказанное.

В общем, я сдалась и затрещала, как пулемет:

– Значит, смотри, что будем делать. Для начала тебе не стоит сразу раскрывать свою натуру. Девушка у нас особа возвышенная, нужен подход в областях, понятных ей. Иначе она сразу даст тебе от ворот поворот. Понимаешь, ты можешь быть хоть директором банка, но если ты не читал Бродского...

– Кого? – ошалело посмотрел на меня Дерета.

– Бродского. И вообще неплохо пробежаться по русской поэзии. И прозе тоже, хотя бы в общих чертах. Обычно писательницы и поэтессы тяготеют к чтению книг, что логично.

– Я должен буду перечитать всю классику? – Дерета смотрел на меня глазами, полными ужаса.

Полагаю, в этот самый момент его любовь к девице начала стремительно проходить.

– Отлично понимаю твое удивление. Будем объективны, тебе столько не прочесть, и это полбеда. Даже если прочитаешь, все равно ничего не поймешь, – тут Дерета согласно кивнул, и я на мгновенье замерла, поняв, что работа предстоит сложная, но интересная. – В общем, наш объект через два дня устраивает вечер своих поэтических чтений. Ты должен там быть. Но не как поклонник ее или ее творчества, нет. Как любитель поэзии, который решил посмотреть, на что способна современность. Она должна заинтересоваться твоим умом, понимаешь?

Дереда продолжал смотреть с сомнением. Думаю, скажи я ему сейчас, что ума у него нет, он бы и на это согласно кивнул.

– Чтобы не сесть впросак, воспользуемся хэндс-фри, знаешь, что это?

– Конечно, – тут он обрадовался, видимо, оттого, что и его багаж знаний пригодился.

– Отлично. Я тоже пойду на этот вечер, как бы сама по себе. Весь ваш разговор мне будет слышен, я буду подсказывать тебе ответы.

Дереда, откинувшись в кресле, некоторое время думал.

– Это может сработать, – сказал, наконец.

– Отлично, – обрадовалась я, – у нас есть два дня, чтобы подготовиться.

Вернувшись в тот день домой, я обнаружила Джеки доедающим кухонный плинтус среди пуха от растерзанной подушки.

Немного почесав голову, решила, что ни в чем не виновата, но пса явно стоит выгулять. Джек был неистов, рвался с поводка с не пойми откуда взявшейся силой, так что мне приходилось периодически срываться на бег. Желая, видимо, отомстить за часы одиночества, он пытался вписаться в грызню с каждой проходящей мимо собакой, причем чем больше она была, тем сильнее он проявлял рвение. С трудом заведя его домой, я села работать и увлеклась, так что очутилась, когда на улице уже было за полночь.

Джек смотрел на меня пронзительно-укоризненным взглядом, потому что за весь вечер единственным знаком внимания к нему был тот, что я чуть не отдала ему хвост компьютерным креслом. Испытав в этот раз что-то наподобие угрызений совести, я стала быстро одеваться. За окном зарядил дождичек, порывшись в гардеробе Кэт, я выудила модную куртку-дождевик.

Вскоре мы с Джеком трусили по дворам, он радостно и независимо, я, с ужасом представляя, как буду отмывать его дома. Уже на обратной дороге меня застал телефонный звонок. Это была Кэт, неужто вспомнила о своем питомце?

– Кирюша, – раздался в трубке ее радостный голос, а я скривилась, ведь знает, что я терпеть не могу, когда меня так называют, – тут прекрасно.

– Я за тебя рада, – отозвалась довольно вяло, поглядывая на темное небо.

Моя реакция ей показалась недостаточной, потому Кэт начала пространно рассказывать, что входит в понятие прекрасного. Надо сказать, развлекалась подруга по полной, я даже несколько раз похихикала над ее комментариями. В общем, увлекшись рассказом подруги, я проглядела момент, когда Джек ушел в кустарник возле какого-то дома. Обнаружив пропажу, стала тянуть поводок, но было очевидно, что это не поможет: Джеки подошел к делу обстоятельно и запутался в ветках.

Чертыхнувшись, я полезла в кустарник, он тут же затряс-

ся, отчего на меня полилась вода, и я снова выругалась. Кэт все-таки услышала мои излияния и поинтересовалась, что происходит. В этот момент Джек появился с совершенно неожиданной стороны, и я поняла, что путь разматывания предстоит долгий.

– Слушай, Кэт, – высказалась в трубку, пытаясь увернуться от пса, начавшего лизать мне лицо, при этом всю меня перепачкавшего, – у меня тут молоко убежало, я тебе перезвоню.

Повесив трубку, сунула телефон в карман джинсов и принялась выпутывать поводок, тихонько матерясь, потому что с кустов на меня постоянно лилась вода.

– Сколько же ее там, – пробурчала я, и в тот же миг на меня сверху, шурша по листве, свалилось что-то непонятное.

Я на мгновенье замерла, не поняв, что это было, пошарила по земле рукой и нащупала что-то кожаное.

– Что вообще происходит, – пробормотала я, но тут случилось невероятное: Джеки обошел куст, и мы оказались свободны. Пока он снова не намылился в заросли, я быстренько вылезла из кустов, сунув найденный предмет в куртку.

– Ну-ка домой, – постаралась грозно прошипеть на пса, чтобы он понял, что я подобные выходки не поощряю.

Он, что-то почуяв, рванул в сторону дома. Кэт, между тем, снова позвонила, решив, что я ей привираю. Я объяснила суть ситуации, и она, отсмеявшись, снова углубилась в рас-

сказ об отдыхе. Дома мне пришлось ее прервать, потому что Джек был грязный, как поросенок, при этом отчаянно мечтал залезть на диван. Быстро скинув дождевик, я потащила пса в ванную. Он отчаянно извивался, умудряясь при этом пачкать меня еще больше.

– Как я вообще могла согласиться на подобное? – взывала я, засовывая его в ванную и включая душ.

Наконец, спустя пять минут Джеки умиротворенно развалился на лежанке, слизывая с себя остатки воды, я же, переодевшись в подругин халат, пила горячий чай. Набрала Кэт, но теперь она была недоступна, видимо, веселье продолжается. Могла хотя бы из приличия спросить, как там Джек, а то развлекается, а он тут, может, умирает с тоски.

Я заглянула в комнату: Джеки рьяно рвал мягкую игрушку Кэт, которую я утром случайно уронила с полки. Немного поразмыслив, я решила, что это справедливо, и вернулась в кухню, где стоял ноутбук. Писала аж до пяти утра, а спать буквально рухнула, Джек пристроился на подушке возле меня, и мы сладко погрузились в призрачную негу сна.

Снилось мне что-то в наивысшей степени приятное, жаль, что, проснувшись, я в упор не могла вспомнить, что именно. Лежала с наиглупейшей улыбкой на лице, Джеки дрых, положив голову мне на ногу, и я вдруг решила, что сегодня будет прекрасный день, и со мной произойдет что-то в наивысшей степени приятное. Приняв душ, покормила Джека и стала собираться на прогулку.

Вид за окном радовал: ни тебе дождя, ни ветра, светит солнышко, и вообще видно, что погода прекрасная. Так как мои джинсы после вчерашней прогулки выглядели не ахти, я залезла в гардероб Кэт. Подруга уехала в теплые края, потому одежды по сезону России оказалось полно. Я остановила выбор на драных джинсах и кофте с Алисой в стране чудес. Нацепив ветровку с кедами, отправилась на улицу, улыбаясь каждому встречному и поперечному.

Джеки, словно почуяв мое хорошее настроение, не пытался его подгадить, шел вполне мирно, периодически описывая поребрики и ограды с совершенно меланхоличным видом. Прогоулявшись по дворам, я не спеша отправилась в сторону дома, размышляя над сюжетом. Джек вырвался вперед, я поспешила следом и обнаружила его возле мужчины. Тот, ошибочно приняв пса за милейшее создание, гладил его, присев на корточки. Джек же делал вид, что он самое смиренное существо на планете.

– Извините, – улыбнулась я, подскакивая, – он у меня слишком любвеобильный.

Рассмеявшись, мужчина поднялся, и я прямо даже рот открыла: передо мной стоял невероятный красавец. Знаете, из этих: широкие плечи, узкий таз, шикарный костюм, совершенно невозможный взгляд, пухлые губы, каштановые волосы, уложенные, как для рекламы Гуччи. И при этом невероятная уверенность в себе, замешанная на полной свободе и наглости.

До сего момента я была уверена, что такие персонажи в жизни не встречаются: в книгах, в кино, где над актером работает толпа визажистов и стилистов – может быть. Но вот так: в спальном районе возле продуктового универсама в 10.30 утра...

Пока я стояла с открытым ртом, улавливая каждое движение этого красавца, он сказал:

– Ничего страшного, пес прекрасный. Как зовут?

– Кира, – кивнула я, но тут же поняла, что вопрос был о собаке, а не обо мне, смешавшись, раздраженно выдохнула, сетуя на себя, и сказала: – То есть Джек. Я хотела сказать Джек. Конечно, Джек.

Мужчина, посмотрев на меня с легкой улыбкой, протянул руку:

– Всеволод.

– А как же иначе, – пробормотала я, пожимая, но тут снова опомнилась, – я Кира.

– Я уже понял. Вы живете неподалеку?

Не знаю, почему, но первая мысль после этого вопроса была: в квартире не прибрано, как я могу его туда позвать?

«С чего это тебе звать его в квартиру?» – поинтересовался внутренний голос.

Ну как же, он же спросил, где я живу. Некто внутри закатил глаза, а я вернулась в реальность и поймала выжидающий взгляд шатена. Немного покивав, снова тряхнула головой, да что за дурман такой напал?

– Я живу в соседнем доме, – выдала, собравшись с силами и решила держать себя в руках, а то выгляжу, как полная идиотка, – а вы здешний?

– Нет, – он сделал жест в сторону универсама, – зашелкупить воды, был за городом на выходных.

– Само собой, – согласилась я, чего красавцу делать в таком месте?

Я опять задумалась, уже на тему спальных районов, Всеволод, немного поглазев на меня, улыбнулся.

– Скажите, Кира, – вкрадчиво начал он, – может, мы с вами встретимся как-нибудь?

– Со мной? – удивилась я. – Зачем?

Сообразив, какие нелепые вопросы задаю, поморщилась и зачастила:

– В общем-то, можно, почему нет?

– Дадите ваш номер телефона?

Я отчетливо продиктовала, и он, попрощавшись, уехал. Кстати, не на чем-нибудь, а на ярко-оранжевой «Ауди», которая шикарно оттеняла его костюм.

Проводив взглядом машину, я поинтересовалась:

– Что скажешь, Джек?

Джек ничего не ответил, он находился от меня на расстоянии в пять метров, активно вылизывая пакет из-под чипсов.

– Несносный пес, – пробурчала я, правда, довольно мирно, оттащив его от пакета.

До обеда я работала, вдохновленная солнцем и неужи-

данной встречей с красавчиком Всеволодом. В обед приехал Марик.

– Чего надо? – недовольно спросила его. – У меня сегодня выходной, мы же с Димой договаривались.

– Я вот что подумал, – Марик переминался с ноги на ногу, – помнишь, мы с тобой говорили на тему того, что мне надо имидж поменять?

– Ну, – выжидательно посмотрела я на него.

– Я волосы ращу, – сказал он таким тоном, словно сообщил о том, что Курт Кобейн на самом деле жив.

– Это прекрасно, – попыталась я от него отделаться, но не тут-то было.

Марик, не замечая моей маеты, разулся и прошел в кухню. Пришлось налить ему чая. Я зависла у окна, поглядывая на парня в нетерпении. Джек, спавший под столом, поднял голову, чихнул и снова уснул.

– Может, ты мне еще что-нибудь посоветуешь? – поинтересовался Марик.

– По поводу чего?

– Как одеваться, как вести себя...

Устало вздохнув, я села на табурет и некоторое время созерцала Марика.

Поняв, что так просто от него не избавлюсь, заговорила:

– Хорошо, давай начнем сначала. Что в первую очередь видит человек? То, как другой одет. Посмотрим на тебя, –

я поставила Марика посреди кухни и покрутила, – тертые джинсы, кожаная куртка, бадлон, невнятные ботинки. Первая мысль: бандит или воришка.

– Что же мне носить? – искренне озадачился он.

Немного подумав и покосившись в сторону ноутбука, я все же махнула рукой, двигая из кухни.

– Куда? – спросил Марик, когда мы сели в его «Форд».

– По магазинам, куда еще.

– В мужчине важно все, – говорила я, пока мы шатались по торговому центру, подбирая Марику новый гардероб, – здесь не хватит одного костюма, нужно уметь держать себя грациозно, но внушительно, нагло, но галантно, бабы от таких дуреют, – тут я вспомнила об утренней встрече с Всеволодом и улыбнулась. Интересно, он мне таки позвонит?

– И потом, – продолжила я, останавливаясь напротив парня, – впечатление оставляет все, в том числе и имя. Кира Муравина, – я протянула ему руку, он неуверенно ее пожал, поглядывая на меня. Пришлось ему подсказать: – Теперь ты представься.

– Борис Мариков.

– Вот, – сказала я торжествующе, двигая дальше, – как человек с таким именем может вызвать восхищение?

– А что же делать? – Марик разволновался. Я снова остановилась.

– Вот что, с сегодняшнего дня ты не Борис, а Боб.

– Боб? – хмыкнул он, но тут же посерьезнел, поймав мой

взгляд.

– Именно Боб, и никак иначе. С фамилией тоже надо что-то делать. Нужно ее поменять, но не сильно, так сказать, сделать благозвучней.

– Например?

Мы зарулили в кофейню, и я цедила свой кофе, поглядывая на Марика.

– Пришло, – выставила вверх указательный палец, – Боб Маркес.

– Чего? – уставился он на меня.

– Прекрасно звучит. Фамилия испанская, имя американское, все вместе создает эстетический ореол.

Марик только глазами похлопал. Я не стала уточнять, какое слово ему было неизвестно: ореол, эстетический или оба сразу.

– Закажи себе визитки, – продолжала я, – а также надо бы прочитать книгу Габриеля Гарсии Маркес, раз уж ты берешь его фамилию. Тебя непременно будут спрашивать о нем.

– А кто этот Габриель?

– Писатель. Испанский. Не так давно умер.

– Сам?

– Сам, от старости. Будешь меня слушаться, проживешь, сколько он, понятно?

Марик кивнул, я вздохнула.

– Свою часть уговора я выполняю, – сказала ему, – теперь твоя очередь.

Марик на некоторое время задумался, потом, оживившись, заговорил:

– У меня один знакомый есть, из соседней области, работал на их нынешнего мэра, правда, он тогда еще бизнесменом был. Короче, у этого мэра жена, говорят, наглухо чокнутая, но очень красивая. Он мне рассказывал, что когда его босс строил предвыборную программу, использовал компромат на одного Питерского депутата, чтобы, значит, поддержкой заручиться. А его жена диск с компроматом свистнула, нечаянно. Она знать не знала, что на этом диске, и что он так нужен ее муженьку. Они тогда в разводе были. Ну муж подослал к ней несколько ребят, чтобы они историю разыграли, ее то похищали, то угрожали, но диск найти не могли. Оказалось, он все это время валялся у ее друга. В общем, когда тот его нашел, девчонка эта поняла, что ее использовали. И чтобы насолить муженьку, снесла диск самому депутату.

– И что? – с интересом спросила я, прикидывая, как можно использовать эту историю для очередного детектива.

– Ничего. Оказалось, что и тут ее за нос водили, она-то думала, что у нее единственный экземпляр с компроматом, а на самом деле их было много, просто они хотели этот конкретный у нее изъять.

– И чем все закончилось?

– Насколько я знаю, она опять вышла замуж за этого мэра. Я немного похлопала глазами. Марик, конечно, мог и напутать, тем не менее, история очень неплоха.

– Тебе задание, – высказалась я, когда он высадил меня возле дома, – вспомни еще историй и запиши их в тетрадочку максимально подробно, понял?

Покивав, Марик уехал, а я пошла домой. На лестничной клетке меня застал звонок с неизвестного номера.

– Кира? – раздался волнующий душу голос, когда я сняла трубку.

Угадать, кто это, было совсем несложно.

– Это я, – согласилась я.

– Это Всеволод. Я подумал... Может, вы свободны сегодня? Мы могли бы встретиться.

С трудом выждав время, создающее видимость того, что думаю, я сказала, что свободна. Всеволод обрадовался.

– Я могу заехать, скажем, часиков в восемь?

– Договорились, – повесив трубку, я пулей взлетела на свой четвертый этаж.

Джек бросился мне навстречу с такой радостью, словно мы не видались лет эдак двести, и мне пришлось потратить время на обнимашки, грозящие перейти в выедание моего лица.

Наконец, я оказалась возле шкафа Кэт. Подруга была знатной шмотницей, порывшись в ее шкафу и перемерив, кажется, все, я остановила свой выбор на сером платье до колена с запахом на груди. Обусловлено это было тем, что грудь Кэт значительно меньше моей, потому в остальных платьях я выгляжу, как проститутка. Это она носит с майкой внизу, а

мне вполне подошло и без того. Для полноты образа я на-
красилась и сделала укладку, в общем, когда приехал Всево-
лод и позвонил, чтобы сказать, что ждет у парадной, я была
во всеоружии.

Джек явственно расстроился, что ему со мной нельзя, по-
тому что ради него я так не наряжаюсь, и я пообещала ему
торжественный выход в свет на днях.

Быстро спустившись вниз в туфлях на высоченных каблу-
ках, я на мгновенье замерла, обретая равновесие, и вышла
из подъезда. Всеволод стоял в сторонке, прислонившись к
своему автомобилю и сложив на груди руки. Услышав хло-
пок двери, повернул голову, да так и замер с открытым ртом.
Самодовольно мысленно кивнув, я направилась к нему уве-
ренной походкой.

Тут надо заметить, что если лицо у меня, в общем-то, до-
вольно обычное, то вот фигурой бог не обделил. Все, так ска-
зать, на месте и как надо. Поняв это в свое время, я приня-
ла решение не спешить с выставлением достоинств напоказ,
дабы знать, на что, собственно, ведется тот или иной уха-
жер. Потому начиная с подросткового возраста, предпочитаю
прямые джинсы, футболки и рубашки, за которыми фи-
гуры не видно.

Осознав, что это еще и крайне удобная одежда, я полно-
стью перешла на нее во всех случаях жизни. Ну или почти
во всех. Вот сейчас, например, пришлось стилю изменить,
потому что у меня встреча с таким красавцем, должна же я

соответствовать.

Красавец, тем временем, с трудом взял себя в руки, окинув взглядом и не сразу отведя его от моей груди, высказался:

– Ты выглядишь просто потрясающе.

Я на это только улыбнулась, скромно, но с достоинством.

Можно смело сказать, что вечер удался. Мы поужинали в центре, потом прогулялись вдоль озера, премило болтая. Я старалась демонстрировать ум в средних количествах, а также меньше говорить, что за мной водится нечасто. Прощались мы уже около полуночи, Всеволод привез меня к дому и помог вылезти из машины. Я приняла его руку, не ожидая коварства, оказалось, зря. Он прижал меня к машине и запечатлел на губах страстный поцелуй. Решив, что мне такое перепадает нечасто, я ответила с не меньшим чувством. Руки его поползли по моему телу, и вскоре я поняла, что надо заканчивать. Всеволод из той категории мужчин, которым сложно отказать, да и не хочется как-то. Я грустно отстранилась, глубоко вздохнув, чем пробудила в нем ряд эмоций.

– Мне пора, – сказала скромно. Он выдохнул, но настаивать на продолжении не стал. Умный.

– Когда мы увидимся? – спросил вместо этого.

– Завтра я занята, давай созвонимся послезавтра.

– Хорошо, – кивнул он и все-таки запечатлел еще один поцелуй, после чего я отбыла в свою скромную обитель.

Джек ждал меня у дверей и вид имел хмурый. Чтобы я не

расслаблялась, изобразил буйный восторг, против которого невозможно устоять, и разорвал чулки. Я решила не расстраиваться, чулки все равно не мои, а Кэт. Однако, чтобы загладить вину, быстро переодевшись, отправилась с Джеки на улицу.

Телефон я на время свидания выключила, потому что весь день мне названивал Дерета с множеством литературных вопросов. Еще с утра я скинула ему небольшой конспект, приказав заучить его наизусть для того, чтобы иметь возможность поддержать хоть какой-то разговор.

Дерета решил, что ему надо не просто заучить конспект, но и довести меня до белого каления, потому и названивал. Понять его было можно: завтра день икс, состоится его знакомство с девушкой мечты, но я-то за что должна страдать?

Сейчас, прогуливаясь с Джеком по дворам, я смогла лицезреть, что Дерета звонил мне десять раз, а Марик два. Вот свалилась парочка на мою голову. Больше я додумать ничего не успела, потому что телефон ожил. Первым на линию пробился Дерета.

– Ну чего еще? – поинтересовалась я недовольно.

– Ты где пропадаешь?

– Имею я право на личную жизнь? У меня вообще-то работа есть, заниматься ей весьма трудно, когда тебе каждые десять минут звонят с вопросом «на фига мне знать, что такое пассионарность»?

– Ладно, не кипятись, хотя я всерьез не понимаю.

– Я же объясняла: ты должен показаться умным не только в литературе, но и в смежных науках. Лев Гумилев, введший этот термин, был сыном Анны Ахматовой, потому на него довольно легко перейти, не вызывая подозрений.

– Да к черту Гумилева, я вообще-то хотел сказать, что завтра заеду за тобой в семь, будь готова.

– Есть, шеф.

Он моей шутки не понял, серьезно попрощавшись, повесил трубку. Следом позвонил Марик. Гадая, что ему надо, я сняла трубку.

– А я Маркеса читаю, – обрадовал он меня, – сто лет одиночества.

– И как?

На мгновенье возникла пауза, потом Марик, кашлянув, сказал:

– В общем-то, ничего, правда, я уже запутался в этих Хосе и Аркадио.

– А ты в тетрадочку записывай, – посоветовала я, он отнесся к предложению с энтузиазмом, и мы распрощались.

Джек потрусил в сторону дома, и вскоре я с удовольствием завалилась спать вместе с ним.

Глава 3

Большую часть следующего дня я провела, работая над книгой. Процесс шел, отвлекаться не хотелось, однако нужно было собираться на поэтический вечер. Я решила, что это событие в моей жизни не столь важное, потому нацепила джинсы и просторную кофту, волосы забрала в хвост. Дерета мой прикид не оценил.

– Ты думаешь, это подходящий наряд? – поинтересовался, поправляя у зеркала галстук, сам мужчина был в шикарном костюме, который, кстати, я предварительно одобрила.

– Моя задача сидеть в сторонке, – заметила я, подходя к нему, – это ты у нас должен блистать. Мне кажется, галстук лучше снять.

Я принялась развязывать галстук, а Дерета вдруг заявил:

– Что-то ты с каждым днем хорошеешь, уж не влюбилась ли?

– Ага, – согласилась я, – у меня море кандидатов: Джек и Марик. Даже не знаю, кого выбрать, Марик красавец, зато у Джека ум.

– Я серьезно, – хмыкнул он, – что-то больно цветешь.

Отвечать я не стала, быстро оделась, и мы покинули квартиру. Джек, уже почувывший, что ему опять не светит поехать со мной, демонстративно жевал каталог одежды, вяло поглядывая в нашу сторону. Я решила, что беды не будет, и при-

совокупила еще каталог косметики.

Поэтический вечер проходил с современным музее искусств и впечатлял организацией. То ли девушка реально имела успех, то ли владелец заведения кем-то ей приходился, однако выделили целый зал.

Выступление тоже проходило не абы как: свет выключили, включив на стене позади нашей поэтессы различные инсталляции, парнишка с длинными кудрявыми волосами сопровождал на синтезаторе. В общем, девушка имела успех, чего уж там. Сама она показалась мне чересчур отточенной: взгляд, жесты, подача стихов, – все качественно, но как-то ненатурально. Хотя, может, она лично именно к этому и стремилась.

Мы с Дередой попали в пробку, потому прибыли к самому началу. Он довольно витиевато ругался, я делала вид, что этого не замечаю. В здании мы разделились, Дерета уселся куда-то в начало, благо, места были, хотя и немного, зал был практически целиком занят. Я пристроилась в дальнем темном уголке.

Выступление длилось час с лишним с небольшим перерывом, так что я успела вздремнуть, никому не мешая. Как только представление закончилось, к девушке потянулись поклонники с цветами, я же набрала Дерету, чтобы проверить связь.

– Что? – высказался он негромко.

– Я в туалет сгоняю, пока она цветы относит в гримерку,

а ты готовься.

– Быстро давай, – шикнул он, а я побежала в туалет.

Если верить программке после вечера с девушкой можно будет пообщаться, на что мы, собственно, и рассчитывали. Быстро справив нужду, я понеслась обратно, но на входе в зал столкнулась с Дередой.

– Ты чего? – устала на него непонимающе.

Он прошел под лестницу и закурил, совершенно не думая о том, что здесь курить нельзя, и что сигареты в принципе яд, разрушающий организм.

– Там Белый, – высказался все-таки.

– Андрей? – пошутила я, но Дерета шутку не оценил.

– Почему Андрей?

– Забудь, – отмахнулась я, – и что этот Белый? Он что, какой-то литературный критик?

– Хуже, ловелас.

– То есть?

– Бабы от него млеют и сразу теряют голову. Светлана вышла только, а он сразу к ней и давай трепаться.

– Ну и что? – рассердилась я. – Тебе не должно быть дела ни до какого Белого. Это что, кстати, кличка?

– Почему кличка? Фамилия.

– Прямо Белый?

Дерета пожал плечами, а я потащила его ко входу.

– Покажи-ка мне его.

Мы заглянули в зал, где уже горел свет, я заметила сто-

лик со стаканчиками, видимо, тут еще и наливали. А кроме этого я заметила Всеволода, безостановочно болтающего с нашей девушкой.

Сложно описать, какой спектр чувств охватил меня в тот момент. Однозначно, мысли мои о Всеволоде приняли совсем иное направление по сравнению со вчерашним вечером.

– Вот поганец, – процедила я еле слышно, наблюдая, как он трогательно касается руки Светланы.

– Видишь? – поинтересовался Дерета. Я повернулась к нему.

– Значит, действуем так: я этого Белого сейчас уведу, а ты не теряй времени и знакомься с девушкой.

– Ты уведёшь? – окинул он меня сомневающимся взглядом, за что схлопотал по уху. – Ладно, чего ты, – продолжил, потирая ухо, – я не то хотел сказать.

– Конечно, – язвительно заметила я, – помочь я тебе не смогу, так что придется самому. Конспект помнишь?

– Основоположником русской поэзии является... – начал он рассказывать, но я прервала его взмахом руки.

– В общем, я беру на себя Белого, а ты Светку, все, – хлопнув Дерету по плечу, я заспешила в зал, увидев, что Всеволод направился к столикам.

Он уже взял стаканчики, явно намереваясь вернуться к новой зазнобе, но тут я, стоя за его спиной, елеино высказалась:

– Здравствуй, Сева, – он предложил мне вчера его так называть, чего бы не воспользоваться?

Сева с трудом не расплескал шампанское, поняв, кто за его спиной. Однако нашел в себе силы обернуться и сделать радостный вид, правда, в сторону Светы косился.

– Кира, – высказался удивленно, окидывая меня взглядом.

Так как сегодня я не блистала изысками, то перешла в наступление словами.

– Какая неожиданная встреча. Не знала, что ты увлекаешься поэзией. Или поэтессами?

Сева, несколько смутившись, ответил, поведя глазами:

– Это моя хорошая знакомая.

Тут я решила, что тактику стоит сменить: агрессией я могу ничего не добиться, придется уходить в одиночестве с гордо поднятой головой. Боюсь, Дерета мне этого не простит.

Потому, услышав его ответ, я разом подобрела и поглупела, спросив:

– Правда?

Заметив изменения, Сева пылливо на меня уставился, но кроме надежды ничего не заметил и кивнул. Я разулыбалась.

– В таком случае, – сказала заговорщицки, забирая у него стаканчики и ставя их на стол позади таким образом, чтобы мои руки на мгновение оказались с двух сторон от мужчины, – может, ты предпочтешь провести остаток вечера не здесь, а, например, в моей квартире?

Сева от такого поворота очевидно обалдел, снова окинул меня взглядом и раздул ноздри, видимо, припомнив, что находится под одеждой. Я смотрела многообещающе, да еще и губу закусила для полноты образа. Это стало решающим аргументом.

Выдохнув, он сказал:

– К черту, поехали отсюда.

И мы не стали тянуть, тут же покинули зал. Я незаметно подмигнула Дерееде, который был изумлен тем, что я с задачей справилась, да еще так быстро. В холле я на мгновение тормознула.

– В туалет забегу, – сказала Севе и умчалась.

В туалете набрала Марика, и не дав ему произнести ни слова, быстро выдала:

– Через сорок минут жду у себя на квартире, дело срочное, надо выручить меня. Придумай разумную причину, зачем ты явился, – выпалив все это, я повесила трубку и выключила телефон, зная настырность Марика и будучи уверенной, что он сразу перезвонит.

– Можем идти, – благосклонно сказала Севе, ожидающему меня в холле, и взяла его под руку.

Ко мне мы ехали на такой скорости, что я только мысленно крестилась, не переставая, что не было лишним, учитывая, что всю дорогу Сева косился на мои колени. Приткнув машину возле парадной, мы быстро поднялись наверх, и только я открыла дверь, как Сева прижал меня к стене и

начал целовать.

По счастью, у меня был запасной вариант спасения: имя ему Джек. Он на наши слияния внимания не обратил, начав неистово прыгать то на меня, то на Севу. Игнорировать проявления чувств Джека невозможно, потому что он не успокоится, пока ему не ответят. Это я и донесла до Севы.

Оторвавшись от меня, он присел на корточки и потрепал Джека за ухом. Тот посчитал, что это слишком сдержанное проявление чувств, потому попытался вылизать Севе лицо.

Тот рассмеялся и, кажется, немного отвлекся от плотских мыслей, по крайней мере, разулся и пошел по квартире, осматриваясь. Так как квартира однокомнатная, поход много времени не занял, я тоже поздоровалась с Джеком и прошла в кухню.

– Это твоя квартира? – поинтересовался Сева, наблюдая, как я достаю турку и начинаю варить кофе.

– Ага, – согласилась я, не желая вдаваться в подробности.

Узнав больше о Севе, я к нему несколько охладела и стала относиться настороженно. Репутация понятна: девки к нему липнут, и он этим пользуется, не утруждая себя запоминанием их имен. Конечно, и на него найдется одна та самая, но я сильно сомневалась в том, что у меня есть желание разгрести себе дорогу из обиженных и сражающихся за него дам.

В общем, вдаваться в подробности своей личной жизни я не стала, ограничившись согласием с его версией. Мы выпили кофе, переглядываясь весьма многозначительно, прав-

да, мои переглядки были направлены на часы, ибо я ждала Марика.

Спать с Севой в мои планы не входило, но раз уж я сама это предложила, то отказываться вроде как странно. Марик появился четко, как знал. Мы как раз допили кофе, и Сева, взяв меня за руку, притянул к себе. Тут и раздался звонок в домофон.

– Кто это? – нахмурился Сева, я недоуменно пожала плечами, направляясь к дверям.

– Да, – ответила максимально отстраненно.

– Это Боб, – раздалось на том конце, я поспешно открыла дверь, надеясь, что Сева не расслышал. Но он был тут как тут.

– Кто это Боб? – поинтересовался у меня.

– Брат. Двоюродный, – выдала я.

– Что ему надо?

Я пожала плечами, тут и Марик появился в дверях, бросил на меня взгляд, заметив Севу, явственно растерялся.

– Ты чего приехал? – поинтересовалась я довольно грубо, тем временем подмигивая Марику.

– Я это... – замялся он на мгновение. – Бабуля в больницу попала. Инфаркт.

– Да ты что? – ахнула я весьма натурально. – Как она?

– Состояние критическое, я как раз еду к ней, думал, может, ты со мной? – кашлянув, он кинул взгляд на Севу, тот хмуро стоял в коридоре.

– Конечно, я поеду, – закивала я, оборачиваясь к Севе и отводя его чуть в сторону. – Кажется, придется перенести нашу встречу, – сказала с легкой грустью.

Он, конечно, был недоволен, но открыто проявлять сие не стал. Только вздохнул, кивая.

– Понимаю.

– Я тебе позвоню, – высказалась я, и Севе ничего не оставалось, как покинуть мою квартиру.

Марик все это время топтался возле выхода, поглядывая то на меня, то на Севу. Последний, сжав мне на прощание руку, вышел, я проводила его машину взглядом в окне, а когда обернулась, могла лицезреть Марика, сидящего в кресле с весьма хмурым видом.

– Ты знаешь, кто это? – поинтересовался он у меня. Я пожала плечами.

– Сева.

– Сева, – передразнил он меня, – это Белый.

– Главное, что не голубой, – разозлилась я, и он тоже разозлился.

– Ты вообще знаешь, что это за человек?

– Кажется, ты меня готов просветить.

– Кличка у твоего Севы Антиквар, получил он ее за то, что держит власть над всеми антикварными точками города.

– Видимо, он невероятно богат, – вставила я комментарий, Марик сделал вид, что не услышал.

– Кроме того, сбыт всяческих ценностей тоже идет с его

высочайшего соизволения.

– Значит, он еще богаче, чем я думала.

– Ты вообще слышала, что я сказал? – расстроился Марик.

– Ну подумаешь, человек занимается какими-то незаконными делишками. Я-то тут при чем?

– Да ему человека убить – раз плюнуть.

– Ты у меня тоже под большим подозрением, к тому же я в его дела не лезу, у нас, знаешь ли, иные интересы.

– Это какие? – одновременно ехидно и насупившись спросил Марик. Я на мгновение смутилась, а он продолжил: – Вы что, с ним того?

– Того-сего, – вздохнула я, – меняй лексикон, Боб, иначе смена имени только пустой пшик. Ничего того у нас не было, я девушка приличная.

– Чего же тогда меня к себе вызывала? Боялась не удержаться?

– Борис Викторович, – возвысила я голос, потому как Марик что-то совсем распустился, – не лезли бы вы не в свое дело.

– А я и не лезу, – он поднялся и направился к дверям, – с Антикваром будь осторожней, – заметил, уже обувшись и намереваясь покинуть мою квартиру, – ничего хорошего из этого не выйдет.

– Также мне предсказатель, – буркнула я, закрыв дверь, – Мелькиадес недоделанный.

– Я все слышал, – заявил Марик, а я только глаза закатила,

устремляясь в кухню.

Надо сказать, слова Марика впечатления не произвели, в конце концов, если бы при явной любвеобильности Всеволода с каждой его пассией что-то случалось, наш город давно бы состоял из одних мужчин.

Покормив Джека, я уселась за ноутбук и, вдохновленная вечером, писала до полуночи. Отвлек меня, как ни странно, звонок в дверь. Похлопав глазами, я пошла в коридор, стараясь не обращать внимания на залиvistый лай Джека, который явно разбудил не только всех жильцов данного дома, но и соседних тоже. За дверью стоял Дерета, оживленный и радостный.

Каким-то образом углядев, что я рассматриваю его в глазок, он нетерпеливо сказал:

– Открывай давай.

Я открыла, и он ввалился в прихожую. Джек тут же начал прыгать на высоту его роста в намерении Дерету облизать, и тот на радостях позволил ему это сделать, присев на корточки.

– Ты бы поосторожней, он с кем только не целуется, – заметила я ему, – и все мужики по большей части.

– Кира, – торжественно заявил Дерета, поднимаясь, – все получилось.

– Иди ты? – не поверила я.

– Как только ты увела Белого, я сразу пошел на абордаж, – Дерета разулся и прошлепал в кухню, хотя я его не пригла-

шала и вообще, как могла, старалась загородить проход, – она, конечно, поначалу расстроилась, его высматривала, но я ее понимаю: парень пошел за шампанским и растворился. Кстати, как ты умудрилась его заинтересовать?

– По-твоему, я настолько беспомощна в отношениях с мужчинами? – ехидно поинтересовалась я.

– Нет, почему. Ты девка симпатичная, просто Белый... Ну и Света, она такая...

– Больше ему подходит, – подсказала я.

– Точно. Но ты молодец, спасибо тебе. Как только путь оказался свободен, я пошел в атаку и через полчаса все-таки смог заставить ее забыть о Белом.

Я представила, какой чуши он мог ей за это время наговорить, а Дерета, словно поняв, о чем я думаю, продолжил:

– Все четко по твоим конспектам. Память у меня отличная, только не понимаю ни черта из написанного. Света разговор поддержала, на мое счастье, все темы оказались так или иначе мне знакомы. В общем, я ее проводил до дома, – Дерета сиял, как самовар, попивая чаек.

– Замечательно, – хмыкнула я, – проводил и сразу же от ее двери ко мне. Очень романтично.

– Ну она же не знает, – обиделся он, – и вообще, это не то. У нас с тобой деловые отношения.

– Неужели? А какая с этих деловых отношений польза мне?

Дерета задумчиво почесал затылок.

– Хочешь, я тебе заплачу? – поинтересовался вслух.

Я махнула рукой, деньги мне и так девать некуда, выходит, проку с Дереды никакого. Одна надежда, что Марик припомнит еще историй из практики, потому как на основе прошлой я уже успела придумать неплохой сюжет для детектива. Вообще выходило, польза от Дереды есть, раз уж Марик появился с его соизволения, да и меня распирает на написание книг. Сменив гнев на милость, я вздохнула.

– Допивай свой чай и вали домой, мне с Джеком надо пройтись.

Вскоре мы выходили на улицу: Дерета, радостно обняв меня на прощание, удалился, а я пыталась вернуть дыхание, доступ которого в объятиях практически не ощущался. Джек тем временем тянул меня во дворы, и я не спеша отправилась по дороге, размышляя над превратностями судьбы. Далеко мои размышления не зашли, а вскоре вовсе показались ерундой на постном масле, потому что случилось нечто невероятное.

Мы как раз заворачивали с угла дома во двор, когда сверху раздался то ли вскрик, то ли вздох. Мы с Джеком синхронно подняли головы, и я открыла рот: на нас летел человек. Правда, через секунду он приземлился на асфальт и человеком быть перестал, а мы с Джеком продолжали стоять.

Глава 4

Наконец, сообразив, что произошло, я закрыла рот и отшатнулась в сторону, кинув взгляд наверх. На мгновение показалось, что в распахнутом на четвертом этаже окне мелькнула тень. По всему выходило, что мужчина спрыгнул именно оттуда, тот, кто там, наверное, уже спешит вниз.

Джек по неясной причине стал тянуть прочь и тихонько поскуливать, но я ждала, усердно отстукивая зубами дробь. Когда минут через пять никто не появился, я подумала, что, возможно, человеку нужна помощь. В плане тому, что наверху, лежащему на асфальте явно уже было ни до чего.

Аккуратно обойдя тело по периметру и стараясь особенно на него не смотреть, я прошла к двери в подъезд. Дверь была с домофоном, я набрала код, тот что у Кэт, и он сработал. Вскоре мы с Джеком уже стояли на четвертом этаже и звонили в железную дверь. Ответить нам никто не пожелал. На всякий случай, я даже ручку подергала, было заперто.

Выбора особенно не было, и, спустившись на середину пролета, я позвонила в полицию. Они сняли только с десятого гудка, долго не понимали, о чем я толкую, и категорически отказывались ехать куда бы то ни было. Битьем и катанием я смогла донести до них суть происходящего, мужчина велел оставаться на месте, я спустилась вниз и вышла на улицу.

Устроилась на скамейке неподалеку. Джек не стал прояв-

лять активность, залез на скамейку и лег, положив морду мне на ноги. Так мы и сидели, пока не услышали шум машины.

Из-за угла выехал полицейский УАЗик, и я, спешно поднявшись, направилась к нему. Из него вылезло трое мужчин и, переговариваясь, закурили. Один все-таки подошел к погибшему, потом заметил меня.

– Вы звонили? – задал вопрос, я кивнула, подходя к их компании. Мужчины меня окинули внимательными взглядами, но этим и ограничилось.

Тот же продолжил спрашивать:

– Расскажите, что вы видели?

– Я вышла из-за угла дома, услышав крик, подняла голову и увидела, как он падает.

– Вы его лицо видели в тот момент?

– Темно, фонарь не достает с дороги настолько, чтобы лицо рассмотреть.

– Он упал, и вы сразу позвонили нам?

Я неопределенно качнула головой. Знаю я этих ментов, заикнешься про тень в окне, так ведь засмеют.

– За это время больше никто не проходил? Машины не проезжали?

– Нет, – покачала я головой, – тут вообще-то тихий район, после полуночи редко кого встретишь.

– А вы часто гуляете после полуночи?

– С собакой, – кивнула я на Джека, который сидел молча, но на стражей порядка смотрел с явным неодобрением.

Мужчины докурили и переглянулись.

– Пойдем в квартиру? – спросил один из них, тот, что меня допрашивал (видимо, главный), кивнул и сказал третьему:

– Вызывай труповозку.

Тот остался, а мужчины направились к подъезду.

– А мне что делать? – поинтересовалась я, они переглянулись.

– Свидетелем выступите? – поинтересовался главный, я почему-то кивнула, хотя на кой ляд мне это сдалось, непонятно. – Тогда пошли.

– Я код знаю, – порадовала их.

– Откуда?

– Честно сказать, я поднималась в квартиру, думала, вдруг кто дома есть? А код такой же, как у меня на двери.

– Вы вообще где живете?

– Через два дома.

Мы зашли в подъезд, и подвальная дверь тут же приоткрылась. Я нахмурилась.

– Дверь была закрыта, – сказала мужчинам, они уставились на меня с непониманием, – когда я заходила, эта дверь была закрыта.

Один из мужчин подошел к двери и заглянул за нее. Зачем, непонятно, там было темным-темно.

– Обычный подвал, – сделал он вывод, пожимая плечами, – наверное, показалось вам. Дверь была прикрыта, вы

внимания не обратили.

– Но ведь при открытии двери в подъезд она должна была распахнуться, – упорствовала я, хотя становилось очевидно, что рвение мое тут не оценят.

– Может, и приоткрылась, вы же одна заходили, а нас трое, вот она и распахнулась. Пойдемте.

Мы стали подниматься, и я, не удержавшись, сказала:

– А еще мне показалось, что в окне мелькнула тень. Уже после того, как парень разбился.

Мужчины снова переглянулись и вздохнули. Один даже головой покачал. Я разозлилась, поняв, что мне не верят.

– Зачем мне врать, по-вашему?

– Никто не говорит, что вы врете, – заметил главный таким тоном, словно я буйно помешанная, – испугались, вот и померещилось.

Мы поднялись на нужный этаж, и второй позвонил в дверь. Открыть нам не пожелали, дверь была по-прежнему заперта. Немного подумав, главный кивнул в сторону соседней двери, и мужчина стал звонить туда.

– Второй свидетель нужен? – поинтересовалась я, не удержавшись, главный посмотрел с неодобрением.

– Вы, наверное, детективами увлекаетесь? – задал он вопрос, отвечать мне, к счастью, не пришлось, потому что за соседней дверью раздались шаги, а потом настороженный женский голос:

– Кто?

– Следственный отдел, – заявил мужчина, – откройте, пожалуйста, дверь.

– Вы по какому вопросу? – совершенно не вдохновился голос таким ответом.

Мужчины, переглянувшись, вздохнули. А на что они, собственно, рассчитывали, когда полиция имеет в нашей стране такую репутацию?

– Ваш сосед погиб.

Тут за дверью охнули и загремели замками. Гремели долго, мы с Джеком успели заскучать, наконец, дверь приоткрылась, и из-за нее выглянула женщина лет пятидесяти в халате и с растрепанными волосами.

Оглядев всю нашу компанию критическим взором, она цепким глазом определила, кто здесь главный, потому что следующий свой вопрос адресовала ему:

– Кто умер? Витька?

– Он из этой квартиры?

– Кто?

– Витька ваш, – терпеливо выспрашивал главный.

– Витька из этой.

– Как он выглядит?

– Витька?

Главный перевел дух, а я злорадно подумала, что это ему наказание за насмешливое отношение к моим словам.

Он тем временем решил, что так можно долго разговаривать, потому что, накупившись, строго спросил:

– Свидетелем выступите?

На этот раз женщина, кашлянув, выпрямилась и вышла на лестничную клетку. Это означало согласие.

– Мы сейчас зайдем в квартиру и проведем осмотр, – ответственно заявил главный и уже приготовился открывать дверь, когда женщина поинтересовалась:

– А вас как зовут?

Спохватившись, он представился:

– Капитан Семенов. Аркадий Дмитриевич. Прошу пока помолчать.

Женщина умолкла, и дверь, наконец, была вскрыта. Мы оказались в небольшой двухкомнатной квартире, и прежде чем Аркадий Дмитриевич успел что-то сказать, разбрелись кто куда.

Правда, тут же раздался его гневный окрик:

– Всем оставаться на своих местах.

Мы замерли, кто где был. Я в этот момент с Джеком стояла в проходе в большую комнату. Свет горел во всей квартире, я смогла лицезреть диван, стол с компьютером, комод и настольный футбол на полу. В маленькой комнате, которая располагалась прямо напротив входа в квартиру я успела увидеть кровать, шкаф и полки с книгами. Ну и распахнутое окно, конечно.

– Вернитесь в прихожую, – строго приказал наш начальник, и мы подчинились, я отошла от большой комнаты, а женщина от кухни.

Как только полицейские скрылись в большой комнате, мы уселись на скамеечку и уставились в проем спальни.

– Неужто Витька умер? – поинтересовалась негромко женщина, покосившись на меня. – А где он сам?

– На улице лежит, из окна выпал.

– Иди ты.

– Вот и иди. Говорю, выпал, значит, так оно и есть. Сама видела.

Женщина посмотрела на меня с некоторой долей зависти, а потом настороженно.

– Что-то я тебя никогда не видела.

– Да я из другого района, а тут с Джеком живу, – кивнула я на пса, устроившегося возле моих ног и с интересом поглядывающего на стоящие неподалеку кеды, – его хозяйка в отпуск уехала. Может, знаете, Киселева Катя, невысокая такая, с короткой стрижкой, худая.

– Видала, – кивнула она, – та еще прошалында.

Я только брови вскинула в немом удивлении, а Джек посмотрел неодобрительно.

– Но ты вроде ничего, – продолжила она, – значит, Витька из окна выпал?

Я кивнула, не пускаясь в подробности, а она продолжила:

– Чего и следовало ожидать.

– Это еще почему? – насторожилась я, а женщина снова смерила меня взглядом.

– Тебя как звать?

– Кира.

– А меня Марина Евгеньевна. Витька вообще-то парень неплохой, – заметила женщина, а потом, оглядевшись, понизила голос, – только он того.

– Чего того?

– Наркоман, – она на мгновение выпучила глаза, а я снова вздернула брови.

– А вы откуда знаете?

– А чего тут знать? – Марина Евгеньевна усмехнулась. – Об этом весь дом знает. Постоянно к нему народ шастает, глянешь, глаза у всех мутные, и сами такие же. И запах от двери такой, что самого бросает.

– Какой запах?

– Так конопля же.

– А вы откуда знаете, как она пахнет? – подозрительно поинтересовалась я, женщина на мгновение растерялась, пожимая плечами. А я продолжила: – Даже если и так, с чего бы ему из окна прыгать?

– Так обкурится дряни. Впрочем, ничего плохого больше про него сказать не могу, – перевела она тему, – парень тихий, вежливый, всегда здороваётся, пакет донесет, если надо. Неужто, правда, умер? – словно дошло до нее.

Тут перед нами прошмыгнул Аркадий Дмитриевич, мы заткнулись, а он посмотрел неодобрительно.

– Как фамилия Вити? – поинтересовалась я шепотом.

– Понятия не имею.

– Он с кем-то из соседей близко общался?

Тут снова возник Аркадий Дмитриевич и поманил в большую комнату. Там нас тщательно допросили, меня о самом происшествии, Марину Евгеньевну преимущественно о том, что она знала о соседе.

Дальше пошел не очень интересный процесс, нас водили по комнатам, обращали внимание на те или иные вещи, которые мне лично казались совершенно непонятными, потом подвели к окну, что-то там еще сказали, наконец, мы получили листочек, который нам нужно было подписать. Пока Марина Евгеньевна тщательно его изучала, я осматривала квартиру.

– А что-нибудь ценное нашли? – поинтересовалась у Аркадия Дмитриевича.

– Что вы понимаете под ценным? – спросил он у меня язвительно.

– Не знаю, – пожала я плечами, – вы, значит, уверены в том, что это самоубийство?

– А вы будете утверждать, что нет?

– Почему же, – пожала я плечами, – но к сведению бы данные приняла.

– Вы опять про подвальную дверь? – закатил он глаза. – Да поймите, все же очевидно: парень наркоман, съел что-нибудь не то и пошел летать.

– Вы анализ крови будете делать?

– Кира Сергеевна, – Аркадий Дмитриевич вернул мне пас-

порт, – мы сделаем все, что от нас требуется. И если появятся явные улики против самоубийства, поверьте, мы их тщательно проверим.

– Очень на это надеюсь, – сказала я в ответ, и прозвучало это очень похоже на «ага, конечно, знаю я вас».

Наконец, с формальностями было покончено, и нас выпустили по домам. Джек к тому моменту уже мирно спал в уголке на кедах и пробуждением был недоволен. Домой в итоге мы попали к утру, и я рухнула спать, даже не сходя в ванную.

Утром проснулась с жаждой деятельности, ничем не объяснимой. Ночное происшествие запало мне в душу, и если там, в квартире, уже изрядно устав и плохо соображая, я еще могла допустить мысль, что мне что-то показалось или я не обратила внимания, то теперь была твердо уверена: тень в окне мелькнула, а дверь в подвал была заперта.

В голове у меня сложилась отличная теория: что, если кто-то пришел на квартиру к Вите (с какой целью, пока неизвестно), столкнул его из окна, после чего хотел покинуть квартиру, но не смог, потому что объявилась я. Так как я торчала возле двери, убийца решил воспользоваться подвальной дверью и уйти через другой подъезд.

Дом построен буквой Г, и внутрь двора выходит только угловая дверь, как раз та, за которой находится подъезд и квартира погибшего. Остальные двери выходят на улицу, потому убийца мог проскользнуть совершенно незамеченным.

Все это я совершенно ясно увидела, проснувшись, но что с этим делать дальше, оставалось непонятным.

Быстренько выгуляв Джека, я решила немного пройтись возле места преступления. Пес короткой прогулкой был недоволен, тем более, что погода стояла отличная, потому я могла рассчитывать на какую-нибудь пакость, когда вернусь.

Однако я уже загорелась идеей, потому через пять минут стояла под тем самым окном. Сейчас оно было закрыто, а на асфальте не осталось и напоминания о том, что здесь произошло нечто страшное. Я зашла в подъезд и первым делом отметила, что подвальная дверь закрыта. Для верности ее подергала, так и есть, заперто.

Обычно ключи хранятся у дворника или у кого-то из жителей, возможно, Марина Евгеньевна подскажет, у кого. На всякий случай я прошлась по остальным подъездам, но код от домофона сработал только на одной, и там дверь в подвал тоже была закрыта. В общем, я вернулась и, поднявшись на нужный этаж, позвонила Марине Евгеньевне. На этот раз она открыла куда быстрее и не поинтересовавшись, кого черт принес.

– Заходи, – кивнула мне, и я прошла в просторную прихожую. – Пойдем в кухню, я как раз собиралась чай пить.

– Случилось чего? – настороженно спросила я, она только махнула рукой, выглянув в окно, уселась за стол рядом со мной.

– Да соседи все ходят, выпрашивают. Я Петьке сказала,

он этажом выше живет, так и понеслось, теперь вот выспрашивают, кто да что.

– А кроме соседей больше никто не приходил?

Марина Евгеньевна уставилась на меня в подозрении.

– К тебе, что, кто-то приходил?

– Нет, а к вам?

Дама вздохнула, а я сразу почуяла, что кто-то точно был.

Немного посверлив меня взглядом, Марина Евгеньевна сказала нехотя:

– Тут уже к нему приходили обрыганы всякие, в дверь звонили, постояли и ушли. Я ничего им не стала говорить. А потом пришли двое, в кожанках, морды наглые, ясное дело, бандиты какие-нибудь.

– Вас это не удивляет?

– А чего удивительного? Он же наркоман, да еще и продает, само собой, у него связи с бандитами есть.

Логика у дамы железная.

– И что бандиты? – поинтересовалась я.

– Сначала к нему позвонили, тишина. Они раз, и ко мне.

– А вы за ними подсматривали, значит?

– Девочка моя, – наставительно сказала Марина Евгеньевна, – нужно всегда держать нос по ветру.

«И совать его в чужие дела», – мысленно добавила я, правда, сама-то была не лучше, и любопытство дамочки мне было сейчас как раз на руку.

– В общем, я выждала чуть, – продолжила она, – и спра-

спрашиваю, мол, вам кого. Они говорят, мы из полиции. Я спрашиваю, по какому вопросу. Они мне: по поводу смерти вашего соседа. Я и говорю, мол, ночью уже приезжали, все осмотрели и допросили.

Я хихикнула, представив, сколько радостных минут пережили ребятки.

– В итоге все-таки открыла им, – вздохнула Марина Евгеньевна, – но в квартиру не пустила. Они начали выпрашивать, как что было, ну я рассказала в общих чертах. Сдержанно, они и отчалили.

– И про меня сказали?

– Милая, – хмыкнула она, – ежели они захотят, так все равно узнают, наши данные же в полиции есть. Но я им сказала, что какая-то девчонка была из соседнего дома. Думаю, они сюда и пришли для того, чтобы со мной поговорить и вызнать, что слышно. Так что и к тебе заявятся.

Я немного покивала и стала собираться, ничего особенно не надумав. Уже на пороге поинтересовалась:

– Марина Евгеньевна, а у кого есть ключи от подвала?

Она на меня уставилась в непонимании, но я сделала вид, что взгляда этого не замечаю, и продолжила ждать ответа без каких бы то ни было объяснений.

– У Петьки, – ответила она недовольно, – он этажом выше живет, квартира слева. А тебе зачем?

Все-таки не удержалась. Но я, неопределенно махнув рукой, выскочила из квартиры и припустила вниз. Выйдя из

подъезда, прошла за угол дома и некоторое время паслась там. Потом вернулась и прошмыгнула в подъезд. Не то, что я пыталась скрыть свое появление от Марины Евгеньевны, просто чем меньше людей сует нос в расследование, тем лучше.

Только тут я сообразила, что подошла к смерти парня с какой-то странной увлеченностью, явно не целесообразной. Правда, происходящие события со странной четкостью складывались в голове в строки.

«Из этого расследования могла бы выйти неплохая книга», – подумалось мне.

Ага, у меня же еще одна книга в ожидании, которую мне навеял Дерета своим внезапным появлением из кустов. Кстати, сам он не объявляется, и Марик молчит, что тоже странно. Тут я догадалась вытащить телефон, он был разряжен. Снова сунув его в карман, замерла перед дверью неизвестного Петьки и нажала на звонок. Дверь открылась почти сразу, в дверях стоял высокий коренастый паренек лет семнадцати и смотрел на меня в удивлении.

На мгновенье растерявшись, я все-таки спросила:

– Могу ли я увидеть... – тут я опять смешалась, потому что назвать нужного мне мужчину Петькой язык не поворачивался. – Петра.

Паренек явственно удивился, но все же крикнул куда-то в чертоги помещения:

– Пап, тут к тебе.

Следом за криком появился сам папа: седой высокий худощавый мужчина лет пятидесяти пяти, в коротких шортах и футболке с изображением себя и какой-то женщины. На изображении они явно были лет на тридцать моложе, однако, надо заметить, что ни бодрость, ни блеск в глазах с годами не ушли. Петька посмотрел на меня, вскинув брови, но доброжелательно.

– Я, знаете ли, хотела уточнить у вас насчет двери в подвал, – сказала я, и тогда он нахмурился.

– А что такое?

– Мне Марина Евгеньевна сказала, что у вас есть от нее ключ.

– Ну есть, я там велосипеды храню.

– Обычно дверь в подвал закрыта?

– Почему вы спрашиваете? – он продолжал хмуриться. – Кто вы такая?

Пришлось сознаться, что я обнаружила Витьку и приметилла открытую дверь. После этих слов Петька цыкнул на сына, и тот скрылся в комнате, а сам глава семейства вышел на лестничную клетку, доставая из кармана пачку сигарет.

Прикурив, облокотился на перила и сказал:

– Да уж, происшествие так происшествие. Кто бы мог подумать.

– Вы его хорошо знали?

– Не очень. Тут у нас мало кто кого знает. В лицо только, у некоторых и имен не знаем. А Витька хороший пацан... Был.

– Он один жил?

– Да. Раньше в этой квартире бабка его жила, после ее смерти он заселился. Лет восемь уже примерно.

– А родители где живут?

Петька пожал плечами и, кинув на меня взгляд, сказал:

– А насчет двери в подвал ты верно заметила. Ключа больше ни у кого нет, а я дверь всегда закрываю. Сегодня спулся утром, вижу, она открыта, удивился. Внутрь заглянул, все на месте. Вернулся домой, Даньку спрашиваю, это сын мой, мол, ты не открывал дверь? Он сказал, что нет.

– Выходит, кто-то ее взломал? – сердце забилось чаще, потому что я почувствовала, что теории мои вовсе не так уж пусты.

Надо же, сколько раз описывала подобные чувства у героинь, кто бы знал, что это, действительно, так увлекательно. Петька снова пожал плечами.

– Не исключено. Хотя вор бы унес велосипеды, какой смысл ему просто так уходить?

На этот счет у меня тоже были мысли, но я их озвучивать не стала. Хотя все было довольно прозрачно, так что есть вероятность, что Петька и сам допрет. Помогать ему в этом я не стала, откланявшись, потопала вниз и этажом ниже столкнулась возле той самой двери с женщиной. Ей было под пятьдесят, худая, красивая, но какая-то очень усталая.

Она как раз открывала ключом заветную дверь, потому я, обалдев, поинтересовалась:

– Простите, а вы кто?

Она уставилась на меня в недоумении, а я скучилась, по-
няв, что сморозила глупость.

– Вы мама Виктора? – проявила сообразительность.

– А вы кто? – задала женщина вопрос.

– Я... Я видела, как все случилось.

Тут женщина, не выдержав, закрыла лицо рукой и запла-
кала. Растерявшись, я быстро открыла дверь и провела ее в
прихожую. Дверь закрыла на щеколду, чтобы до уважаемой
Марины Евгеньевны не долетали никакие обрывки слов. Как
бы она не решила, что я слишком лезу в это дело, и не до-
несла следователю. Женщина тем временем вытерла глаза и,
с болью обведя квартиру взглядом, остановила его на мне.

– Вы расскажете мне? – спросила тихо.

В общем, ближайшие полчаса прошли для меня в состоя-
нии крайней жалости, тоски и попытки хоть как-то улучшить
положение. Наконец, женщина, звали ее Татьяна Викторов-
на, немного успокоилась и прошлась по квартире.

– Следователь сказал, что дело ясное, – произнесла она
негромко, – якобы Витя был в состоянии наркотического
опьянения, которое привело к такому исходу.

– Они провели анализ крови? – осторожно спросила я.

– Да. Обнаружено большое количество каннабиола. Гово-
рят, он выкурил много марихуаны, – тут женщина снова чуть
не заплакала, – я даже предположить не могла, что мой маль-
чик... Как так могло случиться?

Я участливо кивала, но внутри испытывала злость. Все у них там, в следственном отделе, просто и ясно, притянули за уши, и ладно. Им бы только дело закрыть.

Вслух не стала высказывать свои мысли, спросила о другом:

– Может, Витя в последнее время был каким-то другим? Задумчивым или...

– Вы его знали? – спросила меня Татьяна Викторовна, я не решилась соврать.

Покачав головой, торопливо добавила:

– Просто я не могу поверить в то, что молодой парень без всякой причины прыгнул в окно.

– А наркотики? – она смотрела на меня недоверчиво, и я, решившись, поведала ей о двери и тени в окне.

– Вы думаете... – разволновалась женщина. – Вы думаете, кто-то мог его...

Договорить она не смогла, я пожала плечами.

– Не знаю, но многие детали указывают, что все могло быть не так, как решило следствие. Я говорила им об этом...

– Почему же они не отреагировали?

– Следствие не склонно так глубоко копать. У них работает метод бритвы окама: самый очевидный ответ и есть правильный. Не спорю, метод действенный, но на мой взгляд, сейчас куда очевиднее, что это было убийство.

Страшное слово было произнесено, как часто пишут в детективах, и Татьяна Викторовна уставилась на меня в легком

ужасе.

– И вы хотите... – она запнулась. Я снова пожала плечами. Действительно, а чего я хочу?

– Я хочу узнать правду, – сказала я, и она кивнула.

– Но что я могу сделать? Пойти к следователю? Рассказать ему о ваших соображениях? Вы сами сказали, что он не отнесся к ним серьезно.

– Я и сама не знаю, что делать, – задумчиво почесала я голову, – может, нам стоит осмотреть квартиру?

– Зачем?

– Бывает, что на какие-то вещи не обращаешь внимания, а потом – бац! – а это на самом деле улика или знак.

Мы огляделись, и Татьяна Викторовна пожала плечами.

– Что ж, давайте попробуем.

Надо сказать, потрудились мы на славу, приложив куда больше стараний, нежели Аркадий Дмитриевич сегодня ночью. Я наконец узнала, что убитого звали Савельев Виктор Владимирович, было ему двадцать восемь, прописан в этой квартире. По ходу его мама рассказала немного о нем.

Выходило, что он и впрямь неплохой парень, раз уж столько людей об этом сказало. С детства был шалопаем, постоянно лез в драки, слушал рок, играл на гитаре. Учился на тройки, но умудрился окончить институт, стал программистом. Работал долгое время в одной фирме, потом ушел на вольные хлеба.

Как он зарабатывал деньги, Татьяна Викторовна точно не

знала, ей говорил, что работает через интернет. Теперь, конечно, всплыла вероятность того, что он барыжил наркотиками. Говорят, заработок там нехилый. В это поверить ей было еще сложнее, оно и понятно, дети всегда для родителей остаются маленькими.

Тщательно осмотрев ящики и порывшись в компьютере, я признала, что досмотр не принес ничего важного. Витя словно старался, чтобы о нем никто ничего не мог узнать. Потом уже мы сидели в кухне, я пыталась хоть что-то еще выведать.

– Может, наоборот, чего-то не достаёт? – задала вопрос. – Каких-то вещей, которые у него были, которые вы видели недавно?

Она только качала головой, и я уже совсем отчаялась, как Татьяна Викторовна вдруг сказала:

– Вы знаете, была одна вещь, – я встрепенулась и уставилась на нее, она взволнованно продолжила, – я ему дарила на прошлый день рождения бумажник, коричневый, из кожи. Он ему очень нравился, и он всегда носил его с собой.

– Здесь вы его не обнаружили?

– Нет, и у следователя его точно не было, он показывал мне опись изъятых вещей.

На всякий случай мы еще раз осмотрели вещи Виктора, но бумажника не обнаружили. Водительские права и документы на машину лежали на полке.

– Обычно он хранил их в бумажнике, – Татьяна Викторовна в волнении посмотрела на меня.

– Может, бумажник лежит в машине? – предположила я, и мы быстро покинули квартиру.

Старый «Форд» был припаркован во дворе, внутри него обнаружилась только страховка и пустая пачка из-под сигарет. Мы разочарованно стояли возле, глядя на окна.

Я вздохнула, и тут меня словно ледяной водой окатило. Я вспомнила, как мы с Джеком запутались в дождливый вечер в кустах, и на меня сверху что-то упало. Только сейчас я поняла, что произошло это как раз под этими самыми окнами. Тогда я только отметила, что предмет как будто кожаный, потом позвонила Кэт, и я совсем забыла о своей находке.

Значит, она по-прежнему лежит в кармане дождевика. Конечно, не факт, что мне повезет, но ведь такое совпадение возможно! Прежде чем сообщать о своих мыслях Татьяне Викторовне, я решила их проверить. Наскоро попрощавшись с женщиной и взяв ее номер телефона, я понеслась домой.

Глава 5

Джек, не ожидавший такого скорого возвращения, был застукан на кухонном столе за поеданием козинака. Но сейчас у меня не было времени с ним ругаться, я схватила дождевик и вытащила на свет коричневый кожаный бумажник.

Несколько мгновений смотрела на него, как на откровение. Казалось, он словно материализовался из моей мысли и желания его найти. Сев на скамейку у дверей, открыла его. Он был пуст: никаких денег или бумажек. Однако в потайном кармане все-таки нашелся сложенный клочок. На одной его стороне корявым почерком было написано:

«Просите, и дастся вам, ищите и обрящете», – а чуть ниже приписка: «Все дороги ведут в Рим».

Нахмурившись из-за непонимания, как сие трактовать, я перевернула обрывок и увидела еще одну запись:

«22 05 Космос 2013»

– Еще лучше, – буркнула я, – и что все это значит?

Тут из кухни появился Джек, наверное, доел козинак. Вид у него был совершенно наглый, словно и не его застукали на столе. Он начал вилять хвостом, но не увидев с моей стороны энтузиазма, подошел и ткнулся носом в мою ногу, я задумчиво почесала его за ухом, он твякнул. Я посмотрела на него.

– Надо хорошенько обо всем этом подумать, – вынесла вердикт, раздеваясь и проходя в кухню к ноутбуку.

Честно сказать, эти письма меня так увлекли, как и само расследование, что я и думать забыла про свою книгу, открытый документ напомнил мне о ней, и я даже скривилась.

– У меня тут настоящее преступление, – сказала ноутбуку, – а не выдумки всякие.

«Издателю ты тоже самое будешь говорить»? – хмыкнул кто-то внутри, я на него цыкнула.

Не зная, с чего лучше начать, с Космоса или Рима, ввела фразу про ищите, да обрящете. Ее принадлежность к Евангелию я и так знала, но конкретика не помешает. Данная строчка оказалась из благовествования Матфея, седьмая глава, седьмой стих.

– И? – поинтересовалась я, но ответа не получила.

Тогда набрала фразу про все дороги. Приплести ее к смерти парня оказалось еще сложнее. Поговорка брала начало в древнем Риме во времена завоевания и присоединения им новых территорий. Властям приходилось строить новые дороги для быстрого перемещения податей с завоеванных земель. То есть выражение имело по сути прямой смысл, потому что все дороги, действительно, вели в Рим, для того и были созданы.

Я стала сомневаться в правильности своего подхода к изучению записки. Определенно, Витя вкладывал в нее какой-то совсем иной смысл.

Решив добить данный аспект, я набрала слово Космос, ну уж совсем от отчаянья, но тут же оживилась: одной из пер-

вых ссылок шел сайт гостиницы «Космос».

– Вот это уже теплее, – пробормотала я, открыв его и снова уставившись на обрывок.

22 05 – это может быть дата, когда некто заселится в гостиницу, или дата встречи. А 2013 – номер комнаты. Я откинулась на спинку. Версия мне понравилась, но не мешало бы ее проверить. Сегодня двадцать первое, значит, день икс – завтра.

Возбуждение меня просто переполняло, но вдруг оказалось, что на этом, собственно, все. Можно сколько угодно ломать голову над обратной стороной записки, но большего все равно не достичь.

Вздохнув, я решила заняться книгой, на счастье, у меня это получилось, хоть и без особого вдохновения, но все же до вечера я писала.

Выскочив на прогулку с Джеком, вдруг подумала, как странно, что никто мне не звонит, какое-то опасное затишье. Я не спеша брела по дворам, наслаждаясь теплым весенним воздухом, Джек вел себя прилично, переваривая козинак, так что прогулка удалась.

На обратной дороге, проходя через один из дворов, я столкнулась со Светой, она выгуливала своего рассела. Джек мириться с подобным наглым копированием его личности не собирался, потому разорался, как сумасшедший, в то время как ее милый пес смотрел на моего в крайнем недоумении, склонив голову набок и слегка повиливая хвостом.

– Он у меня немного нервный, – заметила я, девушка кивнула.

– У нас с ним всегда такие встречи, – улыбнулась мне.

Улыбнувшись в ответ, я потащила Джека дальше, почесывая лоб и размышляя над странностями происходящего.

Вот Света даже не подозревает, сколько всего я о ней знаю, я для нее мимо проходящая девушка с такой же собачкой. А между тем, я бы могла девушку удивить некоторыми подробностями ее жизни.

Хихикнув, я направилась в сторону дома. Джек в последний момент вильнул в сторону площадки, она была пуста, только на одной скамейке сидел мужчина лет тридцати пяти в черной ветровке и кепке. При моем появлении он оживился и стал смотреть по сторонам. Кроме меня, стоящей посреди площадки с вынюхивающим что-то Джеком, никого не было, значит, именно я вызвала у парня живейший интерес. Он вдруг быстро приблизился ко мне и проговорил:

– Значит, завтра в три в «Космосе»? Ты берёшь на себя этого Марата Асадова, я боюсь.

Я только рот открыла, глядя на него.

Это ещё что за визуализации вселенной?

– Вы кто? – выдала в итоге.

Мужчина, на мгновенье растерявшись, скривился. А я, не теряя времени, сделала шаг на него, Джек принял стойку и зарычал. Мужчина, переведя взгляд с меня на пса и обратно, бросился прочь из двора. Пару секунд побыв в прострации,

я все же ринулась за ним. Джек, естественно, тоже побежал, правда, в другую сторону, что несколько застопорило мою погоню.

Выбежав из двора, я обнаружила, что парня на улице нет, куда он делся – не понять, мог и в переулок мотнуть в любую сторону, а мог и во дворы, поворотов тут множество. Я все-таки добежала до переулка, но парня не увидела. Присела на ограду возле универсама, пялясь перед собой. Ничего не понимая, подняла глаза на небо.

– Это что за чудеса были? – поинтересовалась вслух, чем удивила стоящего неподалеку мужчину с коляской.

Джек сидел рядом, вытащив язык и улыбаясь. Серьезно вам говорю.

Ситуацию надо было срочно обмозговать, и я отправилась домой. Сварив кофе, я уселась на подоконник, щурясь на солнце. Что происходит вообще?

Я нахожу бумажник, который кто-то выкинул, предположительно сам Виктор, а через день парень и сам выбрасывается из окна. Следователь констатирует самоубийство, но мои розыски приводят совершенно к иным доводам.

В бумажнике погибшего парня я нахожу записку с датой и номером гостиницы, и в этот же день ко мне на улице подходит некто, явно знающий о завтрашней дате и о том, кто заселится в номер 2013. Что же выходит, кто-то пребывает в полной осведомленности о том, что я делаю? Ведь мужчина сидел во дворе, поджидая меня, а выдав информацию,

скрылся из виду.

– Мог бы и про письмена что-нибудь сказать, – пробурчала я, сделав глоток.

Вопрос, тем не менее, оставался открытым: кто он и откуда узнал обо мне и имеющих у меня данных?

А может, он заметил, что я рыскаю вокруг дома погибшего, и решил таким образом подсобить? Это было куда больше похоже на правду, все-таки узнать о бумажнике не мог никто, то, что я тогда нашла его – большая случайность. Ведь если бы Джек не запутался в кустах, я бы там вообще не оказалась, и в тот момент, когда бумажник летел вниз, мы бы уже подходили к нашему дому.

Витя, если его кинул он, наверняка сделал это не просто так. Он хотел спрятать таким образом записку, вытащил из кошелька все деньги и документы, положил их на полку, где мы с его мамой все и нашли, а сам кошелек с клочком бумаги выкинул из окна.

В тот момент на улице никого не было, по крайней мере так он мог подумать, потому что мы с Джеком сидели в кустах, и видеть нас парень не мог. Вопрос: зачем он вообще выбросил его? Почему не спрятал? Скорее всего, это был импульсивный поступок.

Что, если к нему кто-то пришел? Можно было сжечь записку. Мог он не успевать сделать это? С другой стороны, запомнить данные с листка труда не составляет, так что сохранять его для потомков – занятие весьма странное. Но ес-

ли я права, и Витя хотел сохранить листок, значит, что-то в нем есть. И не только значение написанного важно.

Я снова устала на клочок: это был неровный кусок тетрадного листа в клетку. Написан текст обычной синей шариковой ручкой, почерк корявенький, мужской. На этом мои мысли относительно обрывка кончались.

А что, если это было послание для кого-то? Например, Витя сбросил вниз кошелек, а кто-то должен был его подобрать и найти листок. Конечно, притянуто за уши, найти кошелек могли и дворники, и кто-то еще, как это и случилось. Но опять же, если ему приходилось действовать в экстренной ситуации, он мог пойти и на такую меру.

Возможно, боялся, и было от чего, раз вскоре погиб. Могли ли его убить из-за данных на этом листке? Я снова устала на клочок. Выглядело все это более, чем сомнительно, однако я чувствовала, что нащупала нить, которую можно потянуть. Что-то за этим всем стояло. Пока я не знала что, но вознамерилась узнать.

И для начала в три часа я решила быть в гостинице «Космос», чтобы посмотреть на этого Марата Асадова. Витю он явно интересовал, раз уж парень записал данные на бумажке, вот и мы поинтересуемся, что к чему. Раскрываться я не планировала, только посмотреть обстановку. Даже смешно, что это я всерьёз думала, потому что в итоге вышло у меня все опять через одно место.

Допив кофе, я слезла с подоконника и уселась за ноутбук,

но написать ничего не успела, потому что раздался звонок в дверь. Ужасно разволновавшись, я немного пометалась в просторах кухни, но потом рванула в прихожую, сунув записку в карман джинсов. За дверью стоял Марик, я явственно выдохнула, потому что успела испугаться.

Открыв, хотела посмотреть строго, но он, увидев меня, тоже выдохнул и выдал:

– Слава Богу, ты жива.

– С чего это мне умирать? – насторожилась я, придерживая дверь. Марик вырвал ее из моих рук и прошел в прихожую, задвигая меня в квартиру.

– Я тебе звонил несколько раз, а ты недоступна.

– Вот оно что, – я, наконец, догадалась, почему сегодня у меня тихий спокойный день, телефон же разрядился, а я забыла об этом. – Я работала. И вообще, откуда такая паника?

Марик тем временем уже прошел в кухню и поставил чайник. Мне стало даже немного обидно: вот я ни к кому так нагло домой не заявляюсь и не распоряжаюсь хозяйством. Если уж так хочется, то лучше бы полы подмел.

– Я думал, может, это из-за Антиквара.

Я только глаза закатила.

– Тебя послушать, так Сева маньяк-убийца.

– Он опасный человек.

– Если тебе станет легче, – высказалась я, – я решила не связываться с ним.

– Правда? – обрадовался Марик и добавил подозритель-

но. – Он тебя бросил?

Я позволила себе обидеться.

– Почему это он меня должен бросить?

Марик смущенно кашлянул.

– Ну знаешь, как это бывает, поматросил и бросил.

– Это у тебя так бывает, и у таких дур, которые не могут приличного мужика отличить от обычного дамского угодника.

– Да чего ты разошлась? – пошел он на попятный. – Я просто спросил.

– В этом все дело, Боб, – трагично сказала я, – не должно быть никаких просто. Нужно думать, что говоришь, а не говорить все, что думаешь.

– Да ты сама так делаешь, – обиделся он.

– Я другое дело, я же женщина, молю что-то себе языком в сторонке, пока мужики с делами разбираются. Кто меня вообще слушает? То ли дело ты, сильный здоровый мужик. Ты Маркеса читаешь?

– Уже, – порадовал он меня.

– И что скажешь?

Марик задумчиво почесал затылок.

– Любят они потра... Совокупляться. И все, главное, друг с другом, как будто больше не с кем.

Я немного поморгала.

– Ну а концовка тебе как? Пергаменты с предсказанием, цикличность мира их семьи, соотношение начала рода и его

конца, трагичность и одиночество каждого из них?

Марик хлопал глазами, глядя на меня.

– Ты точно про ту книгу говоришь? – спросил в итоге, я только глаза закатила.

– Вот что, друг мой, так ты далеко не уедешь. То, что ты «Сто лет одиночества» прочитал, это хорошо, почитай еще критику на Маркеса в целом и на эту книгу частности.

Пока Марик пил чай, задумчиво закусывая его сушками и пляясь перед собой, я выписала ему список того, что можно почитать. Зачем я вообще всем этим занимаюсь, я старалась не задумываться. Хотя сделать из кого-то приличного человека – достойное занятие, разве нет? Правда, непонятно, достойного чего и почему.

Пока что мы упорно пытались сдвинуться с ним с точки бандитизма в сторону образованной интеллигенции, наверное, той самой, которую в детстве Марик шугал во дворах.

Отдав ему список, я поинтересовалась:

– А ты мне историю какую-нибудь расскажешь?

Марик печально задумался, видимо, слишком много напрягает мозг в последние дни. Но почти сразу обрадованно щелкнул пальцами в мою сторону.

– Не история, находка, – заявил мне, – ты знаешь, что у нас в городе есть свой собственный Шерлок Холмс?

Я уставилась на него, вздернув бровь.

– В каком плане?

– Есть такой парень, честно говоря, в глаза его мало кто

видел. Вот его и называют Шерлоком Холмсом. У него есть свой доктор Ватсон, который ведет его дела, к нему обращаются обычно богатые люди нашего города, потому что услуги его стоят недешево. Хотя, говорят, он может и бесплатно за дело взяться, если оно его заинтересует.

– И что же он прямо такой крутой, как Холмс?

– Этого я не знаю, я же его не видел. Но говорят, очень крут, и дела раскрывает быстро и качественно.

– Это интересно, – пробормотала я, – хорошая может выйти история.

– Зачем тебе вообще все эти истории? – додумался спросить Марик.

– Для души. Требуется, знаешь ли, чего-то эдакого.

– Лучше не лезь во все эти дела, а то хлебнешь эдакого так, что потом еще долго не захочется.

– Не учи ученого, – важно сказала я, – и вообще, тебе пора, мне еще поработать надо.

– Кем ты работаешь?

Я на мгновенье застопорилась, а потом выдала первое, что пришло на ум:

– Я работаю с языковым контентом.

Последнее слово выбило Марика из колеи привычного мировосприятия, что позволило мне быстренько выставить его за дверь и вернуться к книге. Сроки поджимали, и я отлично это осознавала, потому, пересилив себя, принялась писать.

Не знаю, насколько хороша выйдет эта книга, зато вот для следующих появляются интересные задумки. Современный Шерлок – это очень даже интересная мысль. Помимо воли в голове нарисовался образ, хмыкнув, я посоветовала держаться повествования, которое пишу сейчас.

Работала я до полуночи, выгуляв Джека, снова устроилась за ноутбуком, вспомнив, однако про телефон и поставив его на зарядку. Оказалось, Марик звонил мне семь раз, такая забота умиляла. Один раз звонил Дерета, два раза Всеволод, что в какой-то степени было приятно. Несмотря на то, что он бабник, внимание красивого мужчины не оставляет равнодушным. Все-таки бабы дуры, что тут скажешь.

Я вспомнила свое идиотское поведение в день нашего знакомства и даже поморщилась. Странно, что он вообще куда-то меня позвал. Впрочем, такую простушку, какой я ему тогда виделась, раскрутить значительно проще, так что почему и нет? Еще один звонок был от Ирины, моей квартиро-съемщицы. Это было странно, потому что вносить плату за квартиру надо было только через неделю.

«Не случилось ли чего»? – подумала я, но решила отложить этот вопрос до завтра.

С Ириной и ее мужем у меня хорошие отношения, возникающие проблемы в быту они решают сами, а потом я списываю им часть суммы в счет оплаты. Решив, что никто из звонивших не требует срочного ответа, тем более, в полночь, я вернулась к книге и писала до четырех утра, в итоге заста-

вив себя лечь спать.

Я бы и больше писала, но на завтра у меня предстояла важная встреча, а я не хотела чувствовать себя разбитой из-за недосыпа. Тем не менее, книга продвигалась очень хорошо, я прикинула, что при таком темпе, допишу черновик через несколько дней.

Встала я в полдень, быстро выгуляла Джека, который остался недоволен коротким выходом и тем, что на него в последнее время мало обращают внимания. Пока я собиралась, он сидел на полу с таким трагическим видом, что сердце кровью обливалось.

В его взгляде сквозило все: отчаянье, преданность, любовь, безмерная самоотдача, тоска, одиночество и так далее по списку. Немного удавалось развеселить его чем-нибудь вкусным, но потом он расстраивался еще больше и, тяжело вздыхая, удалялся на подоконник в свою лежанку, где сидел с выражением мировой скорби на морде.

– Поскорей бы Кэт вернулась, – вздохнула я, Джек положил голову на лапы и тоже вздохнул.

Провожал он меня так жалостливо-укоризненно, что я чуть было не взяла его с собой, но представив, какой фурор пес произведет в гостинице, проявила твердость.

Поначалу я еще переживала о Джеке, но вскоре стала волноваться совсем по другому поводу: что меня ждет в гостинице? Предугадать сие было невозможно, я решила действовать по обстоятельствам. Прежде всего, конечно, надо вы-

яснить, Асадов – друг или враг. Ориентироваться на что-то кроме своего чутья я не могла, а как найти явные признаки, не знала. Короче, ехала на фарт. В маршрутке меня застал звонок Ирины.

– Что у вас случилось? – поинтересовалась я, поздоровавшись.

– Кира, вчера приходили к нам, вас искали.

– Кто приходил? – я мигом насторожилась.

– Сказали, что из полиции, но честно говоря... – тут она понизила голос. – Очень были похожи на бандитов. Говорили, что по делу о каком-то самоубийстве, где вы выступали свидетельницей. Было такое?

– Было, – вздохнула я, поняв, что это, наверное, те же ребята, что наведывались к Марине Евгеньевне.

Следователь записал мои паспортные данные, а прописана я была в квартире, которую сдавала, потому ребятки и ищут меня там. Впрочем, если они расторопные, то скоро можно ожидать их и на квартире Кэт.

– Я сказала, что не знаю, где вы живете, что мы встречаемся в городе. И они ушли.

– И хорошо.

– У вас все в порядке?

– Да-да, Ирина, спасибо. Вряд ли они у вас еще объявятся, но если что, вы мне позвоните.

Мы распрощались, и я задумчиво уставилась в окно. Если

о смерти Вити вынюхивают какие-то бандиты, значит, имеют цель. Либо не верят в самоубийство, либо замечают следы, пытаюсь вызнать, не всплыло ли что-нибудь. По крайней мере, я знаю, что они заинтересованы в разговоре со мной, значит, нужно как-то подготовиться, чтобы косить под полную дуру, мол, ничего не видела, ничего не знаю. Вылетел из окна, и все, я-то тут причем?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.